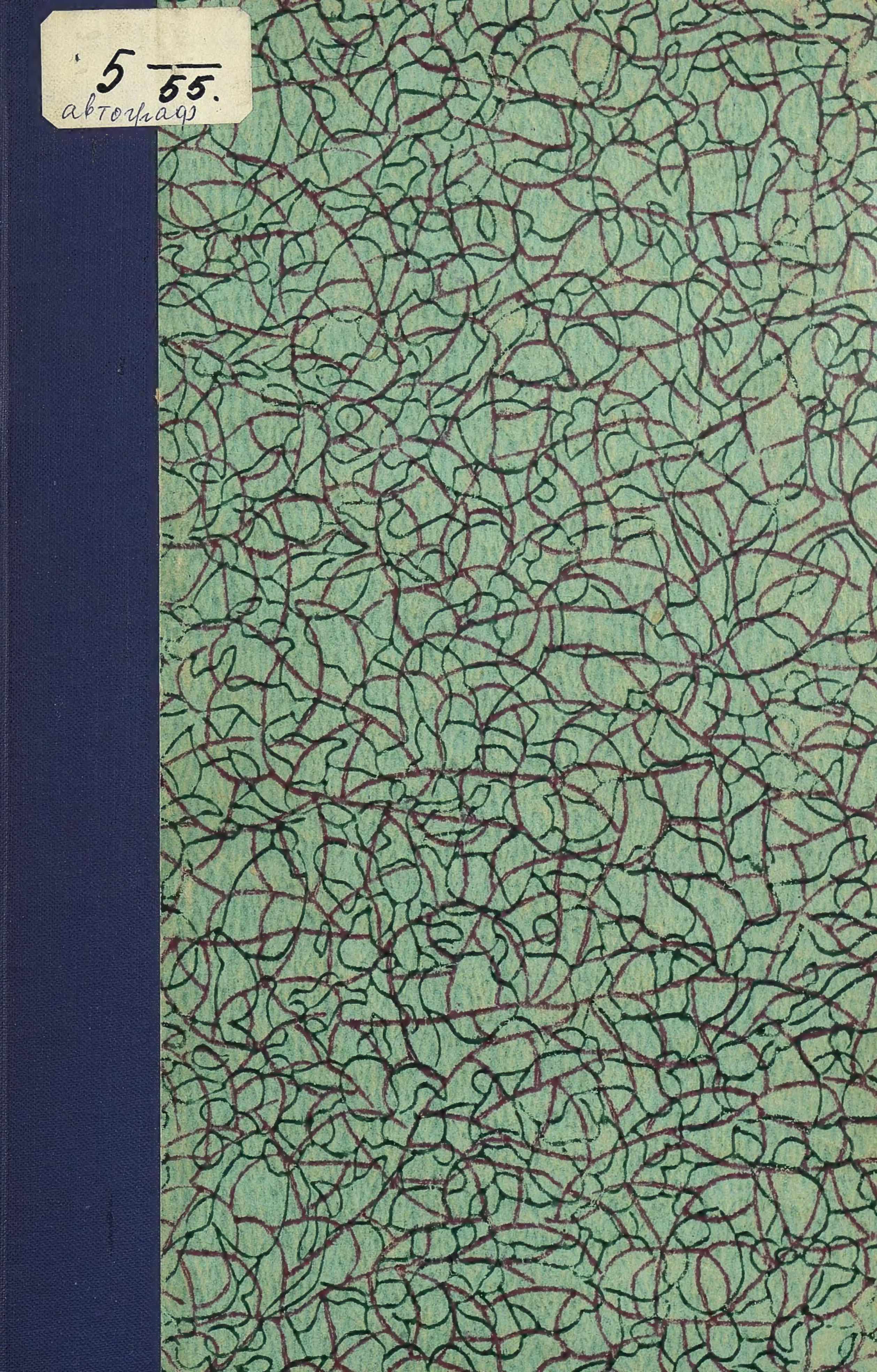
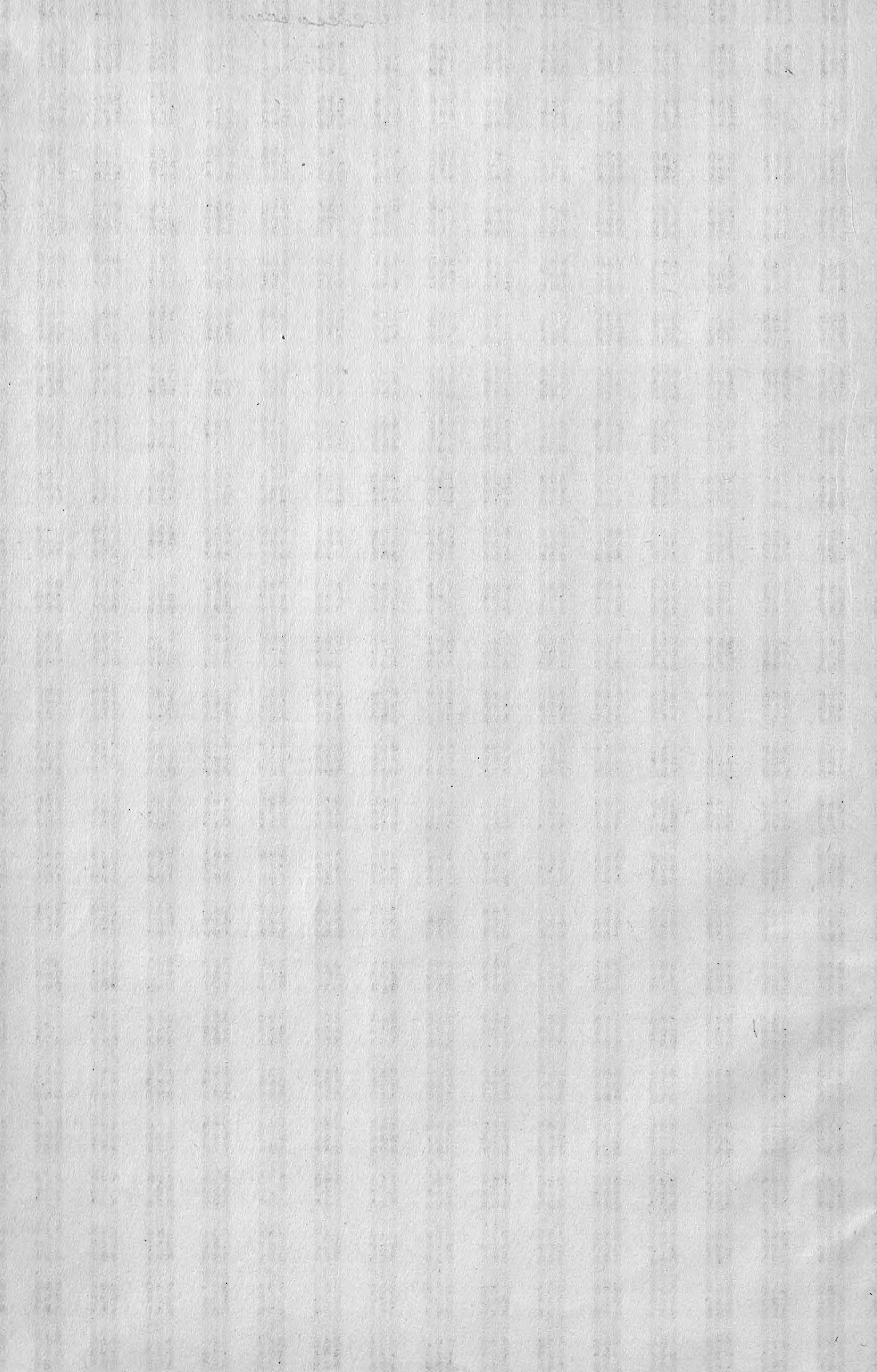

5 / 55.
автограф

Многоуважаемому
Сергею Васильевичу
Пучкову
от Серг. Бахр.

МАЛОЛѢТНІЕ НИЩІЕ И БРОДЯГИ ВЪ МОСКВѢ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

С. Вл. Бахрушинъ.

МОСКВА.
Городская Типографія.
1913.

Малолѣтніе нищіе и бродяги въ Москвѣ.

(Историческій очеркъ).

Вопросъ о борьбѣ съ дѣтской безпризорностью за послѣднее время привлекаетъ къ себѣ большое вниманіе общества, особенно въ Москвѣ, всегда чутко реагирующей на очередные общественные вопросы. Интересъ къ нему проявляется въ созданіи цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ организацій, преслѣдующихъ одну общую цѣль помощи безпризорнымъ дѣтямъ г. Москвы; каждая такая организація имѣетъ въ виду одну какую-нибудь группу дѣтей и стремится достигать своей цѣли по самостоятельному плану, вырабатываетъ свои собственные пріемы и ищетъ на ихъ осуществленіе средствъ. Словомъ, мы присутствуемъ при такомъ моментѣ, когда нужда чувствуется остро, вопросъ поставленъ опредѣленно и ясно, работа началась, хотя еще очень разрозненная и случайная, безъ общаго плана и системы. Въ такой моментъ не лишено интереса оглянуться назадъ, изучить вопросъ въ его исторической преемственности, выяснить себѣ, какими путями шла его разработка и къ чему насъ ведетъ. Казалось бы, что попытка очертить мѣры борьбы съ дѣтской безпризорностью въ прошломъ поможетъ установить извѣстную перспективу на этотъ вопросъ въ его цѣломъ и яснѣе представить себѣ постановку его въ настоящій моментъ и задачи, которыя стоятъ сейчасъ передъ обществомъ въ этой области. Настоящій очеркъ и является опытомъ освѣтить вопросъ о безпризорныхъ дѣтяхъ съ исторической точки зрѣнія.

Самое понятіе дѣтской безпризорности далеко не можетъ считаться вполнѣ установленнымъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ разнообразными типами дѣтей безпризорныхъ въ моральномъ или экономическомъ отношеніи. Въ историческомъ очеркѣ приходится останавливаться на одной группѣ изъ нихъ, на дѣтяхъ нищенствующихъ и бродяжествующихъ, такъ какъ они представляютъ наиболѣе яркій и ясноочерченный типъ дѣтей, лишенныхъ всякой нравственной и матеріальной поддержки со стороны взрослыхъ, типъ, который легко поддается наблюденію сквозь рядъ

протекшихъ столѣтій. Несомнѣнно также, что эта группа безпризорныхъ особенно нуждается въ общественномъ вниманіи, и вопросъ именно объ ней стоитъ на первомъ планѣ. Такимъ образомъ, и условія историческаго изслѣдованія и интересъ момента заставляютъ остановиться на тѣхъ дѣтяхъ и подросткахъ, характерной чертой которыхъ является бродяжество и нищенство.

Москва, какъ крупный центръ, издавна являлась мѣстомъ сборища нищаго и бродячаго люда, среди котораго безпризорныя дѣти очень рано обращали на себя вниманіе правительственной власти. Уже въ концѣ XVII вѣка мы слышимъ жалобы на ужасное положеніе «нищенскихъ дѣтей», «которыхъ множество великое по улицамъ бродитъ и ничему ихъ не учатъ, а возрастутъ, кромѣ воровства, отъ такихъ бродячихъ людей невозможно быти». Указы Петра говорятъ объ эксплоатаціи дѣтей профессіональными нищими: «а что еще мѣру превосходитъ безсовѣстіе и безчеловѣчіе оныхъ: младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорачиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобы были прямые нищіе и милосердія достойны» [1]). Главнымъ мѣстомъ пребыванья этихъ «нищенскихъ дѣтей» въ XVII в. была Красная площадь, съ ея крестцомъ, съ ея рвами, лабазами, шалашами, скамьями и рундуками, на которыхъ раскидывалась пестрая мелочная торговля, своеобразное соединеніе Толкучки съ Хитровкой, гдѣ постоянно толпились всякіе люди, безъ опредѣленныхъ занятій, начиная съ безмѣстныхъ поповъ и кончая артелями безработныхъ крестьянъ изъ подмосковныхъ деревень, ожидающихъ найма, гдѣ шелъ бойкій и шумливый торгъ и гдѣ среди гама, ссоръ и пьянства широкое поле было для кражъ и попрошайничества. Здѣсь и жили, «кормясь Христовымъ именемъ», самые разнородные элементы этой нищей дѣтворы, маленькихъ оборванцевъ, которые «волочились межъ дворъ въ рагозинѣ», какъ выражается одна челобитная XVII вѣка. Среди нихъ были не только профессіональные нищіе, но и случайные бродяги вродѣ 8-лѣтняго Якушки, сына состоятельнаго подъячаго Спиридонова, домовладѣльца за Москвой-рѣкой въ Ордынской слободѣ; какъ видно изъ челобитной, поданной имъ на имя царей Петра и Ивана и ихъ сестры царевны Софіи, «бѣдный и беззаступный мальчишка» отданъ былъ отцомъ «писать учиться къ мастеру, и мастеръ (его) билъ безвинно и (онъ), не стерпя побоевъ, отъ мастера бѣгалъ и въ бѣгахъ поимали (его) деньщики съ мошенниками и привели въ Стрѣлецкій приказъ», т.-е. въ Полицейское Управленіе [2]).

Уже въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича правительство было озабочено принять мѣры къ сокращенію зла; судя по нѣко-

[1]) Духовный Регламентъ.
[2]) 1687 г. Арх. Мин. Юст. Бѣлг. стол. № 1195.

торымъ даннымъ, при немъ было сознано, что «о нищихъ дѣтяхъ, которыя по улицамъ бродятъ милостыни просить, надобно великаго Государя указъ учинить» [1]). Въ основу предположеній уже тогда былъ положенъ примѣръ Западной Европы. «А въ иныхъ государствахъ, читаемъ въ докладной запискѣ по этому вопросу, такимъ (нищенскимъ дѣтямъ) построены дворы, въ которыхъ, перво изуча ихъ грамотѣ, научаютъ ремеслу, какому кто похочетъ, или отдаютъ мастерамъ ихъ учить, а дѣвокъ отдаютъ по монастырямъ для ученія-жъ». Такіе же пріюты («дворы») проектировались и въ Москвѣ. Въ нихъ предполагалось учить наукамъ, «которыя зѣло во всякихъ случаяхъ нужны и потребны», при чемъ намѣчался рядъ предметовъ, преимущественно математическихъ, напоминающихъ уже интересы будущей Петровской школы, включая и архитектуру, и фортификацію, и живописную науку; на ряду съ этимъ имѣлось въ виду профессіональное обученіе «всякимъ ремесламъ и прибыточнымъ мастерствамъ», какъ-то: «шелковыхъ локстныхъ товаровъ дѣлу», золотому и серебряному, типографскому («печатать мѣдными досками»), кузнечному (въ частности производству всякихъ «субтильныхъ» инструментовъ), часовому, токарному, костяному и «инымъ многимъ рукодѣльямъ». Обученіе преслѣдовало цѣли государственной пользы: «чтобы отъ такихъ гулякъ, которые нынѣ туне хлѣбъ ѣдятъ, изучась Великому государю великая прибыль была». Этотъ проектъ, который приписывается правителю царя Θеодора Алексѣевича, несомнѣнно, отражалъ взгляды довольно широкихъ круговъ общества на рубежѣ XVII и XVIII вв. Съ нимъ совпадаетъ проектъ, представленный Θедоромъ Салтыковымъ царю Петру въ 1714 году, согласно котораго предлагалось, на ряду съ запрещеніемъ нищенства, сиротъ и нищихъ дѣтей раздавать въ церковные приходы, чтобы подъ надзоромъ церковныхъ старостъ причетники учили ихъ «словесному», читать и писать; помѣщеніе (кельи) и содержаніе должны были итти изъ церковныхъ доходовъ, для чего предполагалось соединить небольшіе приходы въ болѣе крупныя единицы въ 200—300 дворовъ. Обучившись грамотѣ, сироты должны были переходить въ особые «госпитали», для которыхъ помѣщенія имѣлось въ виду очищать въ монастыряхъ. Здѣсь мальчики должны были получить профессіональное образованіе въ тѣхъ же широкихъ рамкахъ, какія намѣчались въ вышеприведенномъ проектѣ; предполагалось обучать цифири, навигаціи, архитектурѣ гражданской и воинской, механикѣ, рисованію и живописи, выдѣлкѣ математическихъ инструментовъ, серебряному, мѣдному и оловяному дѣлу, часовому, рѣзному, токарному, столярному, даже постель-

[1]) Берхъ. Царствованіе царя Θеодора Алексѣевича (Приложеніе XVII).

ному и «епонскому лаковому дѣлу». Для дѣвочекъ намѣчались женскія ремесла: шитье, кружевное дѣло, прясть, ткать ковры, полотна, бѣлить ихъ по образцу голландскихъ, стирать тонкое бѣлье. Содержаніе такихъ госпиталей должно было лежать на монастыряхъ. И тутъ, какъ въ предыдущемъ проектѣ, авторъ «препозицій» находился подъ вліяніемъ западно-европейскаго примѣра, въ частности Англіи, на приходскую организацію которой онъ ссылается, и цѣли, которыя преслѣдовались, были тоже утилитарныя; авторъ видѣлъ «великую прибыль» отъ того, что призрѣваемые «изъ нищеты своей произойдутъ въ нарочитое состоянье, и послѣ обученья въ такихъ мануфактурахъ, соблюдаться будетъ не малое число денегъ въ россійскомъ государствѣ» [1]).

Переходя отъ проектовъ къ практикѣ, приходится отмѣтить нѣкоторыя мѣры, которыя стали уже съ конца XVII в. примѣняться по отношенію къ бездомнымъ дѣтямъ. Какъ видно изъ приведеннаго выше дѣла Якушки Спиридонова и нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ, уже въ правленіе Софіи стала практиковаться, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, ссылка бродяжествующихъ подростковъ въ украинные города, преимущественно въ Курскъ, съ отдачей «въ работу или въ наученіе мастеровымъ людямъ, кто ихъ взять похочетъ въ годы съ порукою, а какъ будутъ въ возрастѣ въ 20 лѣтъ и въ то время написать ихъ въ службу, кто въ какую пригодится». На ряду съ этимъ примѣнялась отдача малолѣтнихъ бродягъ въ украинные монастыри въ работу: «и велѣно ихъ учить грамотѣ или иному какому мастерству или быть имъ на работѣ, какую работу могутъ понесть, и кормить ихъ братскою пищею, а на платье велѣно давать по рублю на годъ... а какъ тѣ будутъ по 20 лѣтъ и ихъ написать въ службу, или въ тягло, кто во что пригодится». Архимандритъ долженъ былъ имѣть надсмотръ надъ ними «всякаго воровства» и «чтобъ они были всегда на лицо и не сбѣжали». Послѣднее предупрежденіе было нелишнимъ: Якушкѣ удалось скрыться изъ Курскаго Богородицкаго монастыря и снова очутиться на Красной площади, гдѣ онъ пронищенствовалъ двѣ недѣли, пока не попался стрѣлецкому обходу, и по выясненіи личности былъ возвращенъ въ монастырь «по прежнему для ученья», съ приказомъ «изъ монастыря никуда не пускать» [2]).

При Петрѣ, съ его практическими взглядами, монастырь, какъ мѣсто ссылки для малолѣтнихъ бродягъ, замѣненъ былъ фабрикой: по указу 1718 г., касающемуся нищихъ, велѣно малолѣтнихъ «ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ и

---

[1]) «Препозиціи» Ѳ. Салтыкова см. у Павлова-Сильванскаго: Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго.

[2]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. № 1195.

къ прочимъ мануфактурамъ». Въ такомъ положенiи оставался вопросъ о дѣтяхъ-нищихъ и бродягахъ въ теченiе всего XVIII в. Послѣдующее законодательство только подтверждало указы Петра о запрещенiи нищенства вообще и повторяло неопредѣленное требованье о томъ, чтобы «бабъ и дѣвъ и малыхъ ребятъ отнюдь по мiру ходить не допускать, дабы отъ нихъ какихъ шалостей происходить не могло» [1]. Фактически, борьба съ бродяжествомъ дѣтей, какъ и взрослыхъ, сводилась на нѣтъ, такъ какъ при случайномъ характерѣ ссылки въ монастыри и на фабрики и неприспособленности этихъ учрежденiй къ роли исправительныхъ прiютовъ, широкаго примѣненiя эта мѣра имѣть не могла.

Законодательство Екатерины II въ этомъ отношенiи мало измѣнило положенiе вещей. Правда, Учрежденiе о Губернiяхъ возлагало на приказы Общественнаго призрѣнiя заботу объ установленiи и надзиранiи «сиротскихъ домовъ для призрѣнiя и воспитанiя сиротъ, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанiя», а также рекомендовало, очевидно, подъ влiянiемъ идей западно-европейскихъ, въ частности англiйскихъ филантроповъ, «неимущихъ сиротъ по ихъ рожденiю или состоянiю» отдавать «на руки надежнымъ, добродѣтельнымъ и добронравнымъ людямъ за умѣренную плату для содержанiя», но эти мѣры, не касаясь собственно нищенствующихъ дѣтей, во всякомъ случаѣ, на практикѣ почти не примѣнялись.

До извѣстной степени средствомъ борьбы съ дѣтскимъ бродяжничествомъ въ первой половинѣ XIX вѣка служило въ Москвѣ Военно-Сиротское Отдѣленiе [2]. Сюда администрацiя направляла всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, преимущественно солдатскихъ. Если оказывалось, что незаконнорожденный «ни-кому не принадлежитъ и ни въ какой родъ жизни не прописанъ», то въ такомъ случаѣ, «дабы не оставался онъ праздноживущимъ», его, по распоряженiю генералъ-губернатора, можно было помѣстить въ Московское Военно-Сиротское Отдѣленiе, которое, такимъ образомъ, до извѣстной степени исполняло функцiи спецiальнаго заведенiя для бездомныхъ подростковъ.

Между тѣмъ, то крупное экономическое значенiе, какое прiобрѣла въ теченiе XVIII столѣтiя Москва, какъ центръ и фокусъ дворянскаго землевладѣнiя, по мѣрѣ того, какъ это ея значенiе росло вмѣстѣ съ ростомъ дворянскихъ помѣстiй, все сильнѣе привлекало въ нее толпы бродягъ, среди которыхъ было не мало дѣтей. Столица дворянства вмѣстѣ съ тѣмъ являлась столицей дворянской челяди; громадное количество праздной дворни питалось вокругъ барскихъ особняковъ, и младшiе члены этой двор-

[1] Сперанскiй. Къ исторiи нищенства въ Россiи.
[2] Бумаги, относящiяся до войны 1812 года, изд. Щукинымъ, ч. X.

ни,—дворовые мальчишки, избалованные бездѣльничаньемъ, выросшіе безъ надзора въ барскихъ людскихъ, пополняли собою нерѣдко кадры бродяжествующихъ подростковъ. Какъ и въ предыдущее столѣтіе, мѣстопребываніемъ дѣтей-нищихъ въ значительной мѣрѣ оставалась Красная площадь, рвы которой, заброшенные и находившіеся въ полномъ упадкѣ, представляли удобное мѣсто для ночлега; здѣсь же рыночная толкотня и скопленіе народа во время церковныхъ торжествъ доставляли, какъ и прежде, большое удобство карманникамъ и маленькимъ нищимъ; здѣсь встрѣчались подростки съ взрослыми бродягами и пріучались къ преступленію. Находившаяся по сосѣдству Варварская Гарнизонная школа, гдѣ безъ всякаго надзора содержались солдатскія и другія дѣти, была, въ сущности, разсадникомъ воровства и воспитывала малолѣтнихъ воришекъ, вродѣ 14-лѣтняго Левки Юдина, ученика этой школы, который упоминается въ дѣлѣ извѣстнаго вора и сыщика Ваньки Каина. Среди бывшихъ товарищей Каина, арестованныхъ по его указаніямъ, мы находимъ еще нѣсколько любопытныхъ типовъ малолѣтнихъ бродягъ конца XVIII вѣка, какъ-то: 16-лѣтняго купеческаго сынка Ивана Буланова, по прозвищу Хорекъ, который по смерти отца пробовалъ было пристроиться на военную службу, но бѣжалъ съ нея и, въ концѣ-концовъ, примкнулъ къ воровской шайкѣ или 14-лѣтняго Ивашку Михайлова, который тоже остался круглымъ сиротой 12 лѣтъ, попалъ въ тюрьму за неплатежъ подушныхъ, пробылъ въ ней 2 года и по выходѣ оттуда очутился на Красной площади поводыремъ слѣпыхъ бродягъ, промышлявшихъ воровствомъ [1]). На ряду съ солдатскими дѣтьми и съ дѣтьми купцовъ и ремесленниковъ, которыхъ тотъ или иной несчастный случай выбросилъ на улицу, мы встрѣчаемъ на Красной площади большое число бѣглыхъ дворовыхъ мальчишекъ. Одно дѣло 1812 г., изданное Щукинымъ, рисуетъ намъ типъ подобнаго рода бродяги: задержанный въ Ростовѣ «этотъ малолѣтній человѣкъ», какъ выяснилось изъ допроса, оказался Иваномъ Григорьевымъ, дворовымъ нѣкоего Андрея Яковлевича Соловьева. «По причинѣ наносимыхъ ему отъ господина своего безвинно побоевъ», онъ бѣжалъ и ушелъ по вечеру ночевать въ Москвѣ подъ Тайницкую лѣстницу, куда немного спустя пришли неизвѣстные ему 6 человѣкъ, они его разспросили и, «поговоря между собою, что годится онъ подсаживать въ окно для воровства, взяли его по просьбѣ съ собою» и увели его изъ Москвы; на дорогѣ мальчикъ обокралъ одного изъ своихъ товарищей и пробовалъ отъ нихъ скрыться, но былъ пойманъ, избитъ и отпущенъ на всѣ четыре стороны, а въ Ростовѣ попался въ руки полиціи. Дальше выяснилось, что уже раньше

[1]) Есиповъ. Ванька Каинъ (XVIII вѣкъ Бартенева, 1869, кн. III).

онъ бѣгалъ отъ своего господина въ теченіе мѣсяца, «укрываясь въ разныхъ мѣстахъ въ Москвѣ», при чемъ при побѣгѣ укралъ господскіе платки, за что и наказанъ былъ розгами. Мальчика возвратили его хозяину подъ расписку [1]).

Вопросъ о борьбѣ съ нищенствомъ рѣзко выдвинулся въ Москвѣ послѣ 12-го года. Прилежащія къ ней мѣстности были сильно разорены. «Войска Наполеона, по выраженію Алексѣя Бестужева, какъ саранча оставили за собой надолго сѣмена разрушенія. Многія губерніи обнищали и правительство медлительными мѣрами или скуднымъ способіемъ дало имъ вовсе погибнуть». Это явленіе усиливалось временнымъ упадкомъ торговли послѣ 1812 г., приведшимъ къ разоренію многихъ купеческихъ семей, но особенно сильно отразившимся на мелкомъ мѣщанствѣ. Развалины Москвы съ самаго момента ухода французовъ привлекали толпы крестьянъ и бродягъ, взрослыхъ и дѣтей, для грабежа, а пустыри и обгорѣлыя строенія были удобнымъ мѣстомъ, чтобы скрываться отъ глазъ полиціи.

Неудивительно поэтому, особенно если принять во вниманіе ростъ общественнаго самосознанія, которое мы наблюдаемъ во второй половинѣ царствованія Александра I, что вопросы общественнаго призрѣнія и борьбы съ нищенствомъ начинаютъ интересовать общество. Уже уставъ Союза Благоденствія, того самаго Союза, изъ котораго впослѣдствіи создалось Тайное Общество Декабристовъ, посвящаетъ цѣлую главу вопросу о мѣрахъ противъ нищенства. Декабристъ Пестель въ своей «Русской Правдѣ» предусматриваетъ обязательное призрѣніе малолѣтнихъ въ волостяхъ.

Есть свѣдѣнія, что императоръ Николай считался съ тѣми конкретными указаніями, которыя онъ находилъ въ бумагахъ и проектахъ декабристовъ, поскольку они не касались государственнаго строя. Какъ бы то ни было, въ связи съ указанными общими явленіями, естественно, долженъ былъ возникнуть и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о планомѣрной борьбѣ съ нищенствомъ. Съ 1827 г. и вплоть до 1846 г. правительство было занято разработкой Городового Положенія, и, въ связи съ организаціей самоуправленія столицъ, находился, несомнѣнно, и вопросъ объ органахъ, на которые слѣдовало возложить борьбу съ нищенствомъ, свившимъ въ нихъ такое прочное гнѣздо. Такимъ образомъ, впервые при Николаѣ былъ поставленъ опредѣленно вопросъ о нищенствѣ и, какъ часть цѣлаго, о малолѣтнихъ нищихъ. Мы можемъ услѣдить, какъ работала законодательная мысль, такъ какъ до насъ дошелъ первоначальный проектъ 1829 г., легшій въ основу закона 1838 года. Проектъ пре-

[1]) Бумаги, изд. Щукинымъ, ч. VII, стр. 239.

дусматривалъ открытіе особыхъ попечительныхъ комитетовъ, на обязанность которыхъ возлагалось, между прочимъ, «если при нищихъ будутъ дѣти, которыхъ отцы и матери воспитать не въ силахъ и не въ состояніи», то распредѣлять ихъ: сиротъ мужского пола до 8 лѣтъ, а женскаго до 14 лѣтъ размѣщать по селеніямъ и городамъ съ платою за вскормленье и водворять ихъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя пожелаютъ ихъ принять «въ усыновленіе»; мальчиковъ отъ 8 до 17 лѣтъ отправлять въ военныя поселенія или въ военно-сиротскія отдѣленія, дѣвочекъ отъ 14 лѣтъ и старше выдавать въ замужество и опредѣлять прислужницами при богоугодныхъ заведеніяхъ или работницами на фабрики, заводы и промыслы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что основной точкой отправленія законопроекта были тѣ разрозненныя мѣры, которыя устанавливаемы были законодательствомъ и практикой XVIII столѣтія и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка по отношенію къ безпризорнымъ,—помѣщенье ихъ въ семьи по системѣ Екатерины II, въ батальоны по системѣ Александра I и на заводы и фабрики по системѣ Петра I,—но всѣ эти мѣры теперь были приведены въ одну общую систему и подчинены общему плану; особенно важно было при этомъ устройство особыхъ органовъ, на которыхъ спеціально возлагалось все веденіе дѣла. Такова канва, по которой впослѣдствіи было создано Положеніе о Московскомъ Комитетѣ для разбора просящихъ милостыню 1838 года.

Въ этомъ новомъ законѣ наиболѣе существенная сторона проекта—созданіе спеціальнаго органа для проведенія въ жизнь планомѣрной системы борьбы съ нищенствомъ, получила очень полное выраженіе. Такимъ органомъ являлся для Москвы новый Комитетъ, и планъ его дѣятельности чрезвычайно систематично установленъ въ Положеніи 1838 г. Вся организація была чисто сословная, и главной задачей ея былъ именно разборъ нищихъ по сословіямъ и состояніямъ для оказанія соотвѣтственной помощи въ зависимости отъ происхожденія и сословныхъ правъ каждаго изъ нихъ. Особенное вниманіе удѣлялось при этомъ частному вопросу о «нищихъ малолѣтнихъ и тѣхъ, которые, вышедъ изъ дѣтскаго возраста, не достигли еще 18 года, ежели не имѣютъ никакого пріюта» (§ 45). Положеніе считаетъ одной изъ главныхъ задачъ Комитета—«изыскивать способы, чтобы доставлять малолѣтнимъ, возрастающимъ въ нищетѣ, такое воспитаніе, которое бы не только пріучало ихъ доставать себѣ пропитаніе полезными трудами, но и утвердило навсегда въ правилахъ доброй нравственности» (§ 1). При Работномъ Домѣ, находившемся въ вѣдѣніи Комитета, должно быть въ этихъ цѣляхъ организовано «особое отдѣленіе», куда Комитетъ первоначально помѣ-

шаетъ таковыхъ и собираетъ о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія. Вопросъ о порядкѣ эвакуаціи малолѣтнихъ разработанъ очень подробно, при томъ на исключительно сословныхъ началахъ. Положеніе раздѣляетъ малолѣтнихъ на нѣсколько разрядовъ въ соотвѣтствіи съ самой идеей «разбора». На первомъ планѣ стоитъ тотъ элементъ, который со стороны привлеченъ въ Москву, дѣти, принадлежащія помѣщикамъ, вѣдомствамъ и т. д. Ихъ приказано отсылать по принадлежности, «смотря по возрасту сихъ дѣтей, разстоянію тѣхъ мѣстъ, къ коимъ они причислены, удобствамъ отправленія ихъ туда и другимъ обстоятельствамъ... съ нужными предосторожностями»; въ случаѣ, если по возрасту они не могутъ быть высланы, то поступаютъ на призрѣніе Комитета. Далѣе идутъ дѣти нижнихъ воинскихъ служителей,—для нихъ предназначаются батальоны военныхъ кантонистовъ; въ тѣ же батальоны могутъ быть отправляемы дѣти канцелярскихъ служителей. Дѣтей чиновниковъ Комитетъ долженъ помѣщать за свой счетъ въ гимназіи и школы, дѣвочекъ изъ интеллигентныхъ семей въ человѣколюбивыя заведенія или воспитательные дома. Помимо этого, Комитету рекомендуется отдавать малолѣтнихъ «въ ученіе полезнымъ искусствамъ и ремесламъ»; онъ можетъ отдавать своихъ малолѣтнихъ кліентовъ «на воспитаніе частнымъ лицамъ до того времени, когда придутъ въ потребныя для ученья лѣта», и даже принимать ихъ содержаніе на свой счетъ, можетъ размѣщать ихъ въ воспитательныя учрежденія. Больныхъ и увѣчныхъ онъ направляетъ въ больницы и другія богоугодныя заведенія, «стараясь предпочтительно помѣщать послѣднихъ къ благотворительнымъ и сострадательнымъ лицамъ, даже съ нѣкоторымъ отъ себя пособіемъ». Мы видимъ, что въ основѣ этого плана лежитъ, въ сущности, тотъ же проектъ 1829 года, хотя значительно дополненный и разработанный, и руководящими началами его остаются данныя практики, установившейся со времени Екатерины и Александра—отдача безпризорныхъ на воспитаніе частнымъ лицамъ,—мѣра, рекомендованная законодательствомъ Екатерины и проводившаяся въ жизнь съ чисто нѣмецкой послѣдовательностью въ вѣдомствѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и организація школъ кантонистовъ.

Права Комитета въ отношеніи къ призрѣваемымъ дѣтямъ были довольно обширны: онъ могъ «опредѣлять... въ означенное обученіе, не взирая уже на несогласіе родителей, если только сіи послѣдніе, по крайней бѣдности или по совершенному нерадѣнію къ дѣтямъ и развратному поведенію своему, не въ состояніи будутъ дать имъ никакого содержанія и воспитанія». «Родители (§ 46) не имѣютъ права взять къ себѣ помѣщеннаго такимъ образомъ ученика безъ согласія лицъ, съ которыми заключено усло-

віе, и безъ разрѣшенія Комитета». Это ограниченіе родительскихъ правъ, вводимое Положеніемъ, показываетъ, какъ полно, всесторонне и глубоко былъ задуманъ планъ, изложенный въ Положеніи, на практикѣ давшій очень блѣдные результаты.

Чтобы понять характеръ дѣятельности учрежденнаго Комитета, приходится остановиться на существѣ этого учрежденія. Комитетъ былъ организаціей филантропическаго характера; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ всегда смотрѣлъ на себя, всегда оперируя понятіемъ человѣколюбія; онъ дѣйствовалъ «кроткими мѣрами», избѣгая «насильственныхъ и опасныхъ для человѣчества мѣръ», какъ говорится въ отчетѣ 1852 г. Нотка гуманнаго отношенія, по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ, звучитъ даже въ самомъ текстѣ Положенія 1838 г. Впослѣдствіи, оглядываясь на свою дѣятельность, Комитетъ хвалился тѣмъ, что «постоянно соединялъ въ своихъ распоряженіяхъ строгость къ явному пороку съ христіанскимъ снисхожденіемъ къ слабости человѣческой». По существу это было своеобразное бюрократическое учрежденіе, и добрая половина его работъ носила формальный характеръ. Во всякомъ случаѣ, принялось оно за работу очень горячо, и первые годы его дѣятельности характеризуются и разнообразіемъ начинаній, и участіемъ въ ней отзывчивыхъ и интересующихся дѣломъ агентовъ; лишь постепенно Комитетъ погружается въ формализмъ и превращается въ канцелярію исключительно по разбору просящихъ милостыню [1]).

Вновь учрежденный Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ августѣ 1839 года; одновременно съ этимъ въ его завѣдываніе перешелъ незадолго передъ тѣмъ устроенный Работный Домъ. Въ своей дѣятельности Комитетъ долженъ былъ очень скоро встрѣтиться лицомъ къ лицу съ вопросомъ о безпризорныхъ дѣтяхъ. Уже въ 1841 г. въ своемъ отчетѣ онъ констатировалъ, что болѣе половины призрѣваемыхъ въ Работномъ Домѣ падаетъ на «совершенно малолѣтнихъ» и на лицъ старше 50 лѣтъ. Въ 1847 г. къ нему поступило «въ младенческомъ возрастѣ» до 7 л.—121 чел., «въ отроческомъ возрастѣ» отъ 7—14 л.—128 чел., всего 249 малолѣтнихъ, въ 1849 г.—85 чел. въ возрастѣ до 7 л. и 79 въ возрастѣ отъ 7 до 14, всего 164 чел.; въ томъ и другомъ случаѣ это составляло до 8% всего числа поступившихъ на его распоряженіе нищихъ. Въ 1851 г. малолѣтніе составляютъ «не болѣе десятой доли» всѣхъ 2.787 принятыхъ, т.-е. 10%. Въ 50-хъ годахъ и началѣ 60-хъ число малолѣтнихъ, впрочемъ, колеблется, достигая

[1]) Для послѣдующей части настоящей статьи авторъ воспользовался матеріалами архива Городского Работнаго Дома и считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность администраціи Дома за оказанное ему содѣйствіе.

въ 1855 г. громадной цифры, 415 чел. въ возрастѣ отъ 7—14 л., или 16% всѣхъ поступившихъ, обычно же держится въ предѣлахъ ста съ лишнимъ (153 въ 1852 г., 124 въ 1859 г., 100 въ 1860), т.-е. отъ 4% до 6½% всего числа поступившихъ.

Обращаясь къ составу малолѣтней кліентуры Комитета, приходится на первомъ планѣ, какъ и въ настоящее время, отмѣтить большое количество дѣтей, нищенствовавшихъ не самостоятельно, а совмѣстно съ матерями. «Приходящія за милостыней крестьянки и солдатки приводятъ съ собою малолѣтнихъ дѣтей», говорится въ отчетѣ 1849 г., «и носятъ по улицамъ даже грудныхъ младенцевъ или потому что не на кого оставить ихъ дома, или для возбужденія болѣе сострапанія мимоходящихъ». Любопытно, что съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности Комитетъ натолкнулся съ существованіемъ опредѣленныхъ сельскихъ районовъ, женское населеніе которыхъ спеціально проживало нищенствомъ съ дѣтьми, появляясь въ столицу на сезонъ. Подъ Москвою такимъ райономъ являлись Верейскій и Волоколамскій уѣзды, «по закоренѣлому пристрастію къ бродяжничеству» мѣстныхъ крестьянъ. «Изъ другихъ губерній первое мѣсто», говорится въ отчетѣ 1847 года, «занимаетъ въ семъ движеніи Тверская губ. Крестьянки изъ государственныхъ имѣній Старицкаго и Зубцовскаго уѣздовъ не отвыкли еще приходить сюда съ малолѣтними дѣтьми, особенно въ продолженіе Великаго Поста и Святой Недѣли за болѣе обильнымъ въ это время подаяніемъ». Вообще, крестьянки какъ изъ помѣщичьихъ, такъ и изъ казенныхъ селеній, приходятъ въ Москву, «обыкновенно съ малыми дѣтьми изъ извѣстныхъ мѣстъ, частью по старинной привычкѣ, частью по существенной нуждѣ». За 1840 и 41 годы Комитетъ сдѣлалъ наблюденіе, что значительный процентъ задержанныхъ за нищенство крестьянъ падаетъ на крестьянъ гр. Шуваловыхъ Верейскаго и Можайскаго уѣздовъ [1]), и среди этихъ крестьянъ преобладаютъ, какъ видно изъ журналовъ Комитета, женщины съ дѣтьми [2]). Любопытно отмѣтить, что женское населеніе бывшихъ Шуваловскихъ вотчинъ Верейскаго уѣзда до сихъ поръ промышляетъ нищенствомъ въ Москвѣ, какъ отхожимъ промысломъ.

Отчетъ 1855 года указываетъ еще одно любопытное явленье— посылку дѣтей изъ сосѣднихъ деревень въ Москву однихъ для нищенства, что Комитетъ склоненъ былъ объяснять тѣмъ, что родители не смѣютъ сами показаться въ Москву за милостынею и отпускаютъ для этой цѣли дѣтей, какъ «менѣе подверженныхъ строгости исправительныхъ мѣръ». Во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ много попадалось крестьянскихъ подростковъ, нищенствовавшихъ

[1]) Журн. Комитета 1841 г., 8 марта.

[2]) См., напримѣръ, журн. 12 марта 1841 г.

болѣе или менѣе самостоятельно. Они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ крестьянскаго сословія: среди нихъ были и экономическіе крестьяне, и государственные, и удѣльные, и очень много частновладѣльческихъ, помѣщичьихъ, изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи. Тутъ было много дѣтей изъ примыкающихъ къ Москвѣ уѣздовъ, на первомъ планѣ, опять-таки, изъ Шуваловскихъ вотчинъ Верейскаго уѣзда [1]), но было не мало и изъ самыхъ отдаленныхъ губерній, закинутыхъ Богъ вѣсть какъ въ Москву. И тутъ приходится отмѣтить названные выше Зубцовскій и Старицкій уѣзды Тверской губ., откуда идетъ очень много нищихъ-подростковъ изъ государственныхъ крестьянъ [2]). Очевидно, дѣти идутъ по дорогѣ, протоптанной взрослыми, чаще всего по привычкѣ, пріобрѣтенной отъ родителей и по ихъ примѣру. Часто въ Москву они попадаютъ съ родными. Такъ, въ іюлѣ 1850 г. задержаны три крестьянскихъ мальчика изъ Могилевской губ.—12, 14 и 16 лѣтъ; при чемъ выяснилось, что они и еще четвертый ихъ братъ, мальчикъ 8 лѣтъ, прибыли въ Москву съ отцомъ, послѣ смерти котораго остались жить у дяди и стали нищенствовать [3]). Въ другомъ случаѣ, дѣвочка лѣтъ 14, Прасковья Кирилова, изъ государственныхъ крестьянъ Тульской губ., Одоевскаго уѣзда, показала, что «пришла въ Москву за сборомъ милостыни съ матерью, которая, оставивъ ее здѣсь, сама ушла» въ свою деревню. Нерѣдко дѣтей гонитъ въ Москву смерть родителей, невозможность прокормиться въ деревнѣ. Такъ, 5 августа поступилъ въ Работный Домъ безпаспортный мальчикъ «лѣтъ 9, и по неимѣнію пристанища и средствъ къ пропитанію», который «показалъ о себѣ, что онъ крестьянскій сынъ, изъ семейства умершаго въ прошломъ году отъ холеры крестьянина Ѳомы Тимофеева» [4]); 30 августа задержаны двое дѣтей, 11 и 9 лѣтъ, которыя сказали, что отецъ ихъ умеръ 4 года тому назадъ, и что они пришли въ Москву за сборомъ милостыни съ шестнадцатилѣтней сестрой [5]). Впрочемъ, и сироты преимущественно идутъ изъ извѣстныхъ намъ уѣздовъ Верейскаго Московской губ. и Старицкаго Тверской; и это естественно, такъ какъ тамъ привыкли смотрѣть на Москву, какъ на мѣсто постояннаго заработка. Среди крестьянскихъ дѣтей попадаются, наконецъ, убогіе и калѣки. Такъ, въ 1850 г. упоминается нѣмой крестьянскій мальчикъ

---

[1]) Напр., журн. 1855 г. 16 ноября мальчикъ Иванъ Федоровъ, принадлежащій гр. Шувалову Московской губ., Верейскаго у., д. Афанасьевской.

[2]) Напр., журн. 1850 г., 30 августа (мальчикъ 11 лѣтъ и дѣвочка 9 лѣтъ), 8 февраля 1855 г. (мальчики 9 и 12 лѣтъ) и т. д.

[3]) Журн. 1850, 22 іюля.

[4]) Журн. 1850, 5 августа.

[5]) Журн. 1855, 30 августа.

и слѣпой мальчикъ 16 лѣтъ; послѣднiй изъ названнаго выше Зубцовскаго уѣзда [1]). Подводя итоги, можно сказать, что районы, откуда шли нищенствовать въ Москву крестьянскiе подростки, тѣ же, откуда шли преимущественно взрослые нищie, и что большая часть ихъ начинала нищенскую карьеру либо непосредственно съ родными, либо подъ несомнѣннымъ влiянiемъ мѣстныхъ обычаевъ и навыковъ [2]).

Среди женщинъ, промышлявшихъ нищенствомъ при посредствѣ дѣтей, на ряду съ крестьянками видное мѣсто занимаютъ солдатки. Эти женщины безъ семьи и крова, выбившiяся изъ сословной колеи, лишенныя той опеки, которую обезпечивали для своихъ членовъ тогдашнiя сословiя, не имѣли мѣста въ социальной организацiи, прочно построенной на фикцiи принадлежности къ тому или иному состоянiю: «въ молодости отчуждались отъ семействъ и подъ старость не имѣли другого способа существованiя, кромѣ нищенства». Этому способствовалъ и неправильный образъ жизни, въ который ихъ ставили условiя. Привыкая къ бродяжничеству, предаваясь, по выраженiю одной изъ нихъ, «употребленiю горячихъ напитковъ», не одна изъ нихъ «отстала отъ рукодѣлья и пропитывалась прошеньемъ милостыни» и мелкими кражами [3]). Онѣ составляли крупный процентъ среди московскихъ нищихъ (въ 1847 году, напримѣръ, 523 изъ 3.593). «Жалкiя сiи женщины», говорится въ отчетѣ 1847 г., «гурьбами обременяютъ города, въ особенности здѣшнюю столицу, испрашивая мiрского подаянiя, или богадѣленнаго убѣжища». Съ собою онѣ волочили своихъ дѣтей, парiевъ среди тогдашняго общества, въ которомъ у нихъ тоже не было опредѣленнаго положенiя. Правительство было озабочено и для нихъ создать приличное состоянье, объявляя ихъ государственной собственностью и подчиняя ихъ обязанности служить въ войскѣ [4]). Такъ искусственно было создано званiе «кантонистовъ», вѣчно прикрѣпленныхъ на военной службѣ. Семи лѣтъ мальчики, сыновья солдатъ, отбирались принудительно отъ родителей и помѣщались въ военно-сиротскiя отдѣленiя и кантонистскiе батальоны, гдѣ они оставались до 18-ти лѣтъ, когда поступали на дѣйствительную службу. До семи же

---

[1]) Журн. 1855, 7 iюня, 30 августа.

[2]) Дѣлъ о крестьянскихъ мальчикахъ очень много: напр., дѣло № 13, 1839—41 г., стр. 81, дѣло № 29, 1839—41 г., стр. 43. Постоянно встрѣчаются указанiя въ журналахъ: напр., 7 мая 1841 (крестьянская дѣвочка гр. Бобринскаго, Прасковья Федорова), 13 августа 1841, 13 iюня, 22 ноября 1848 и т. д.

[3]) Журн. 1839 г., стр. 85.

[4]) См. ниже въ примѣчаньяхъ дѣло солдатскаго сына Прокофья Парменова. Между прочимъ, Комитетъ долженъ былъ признать, что «этотъ мальчикъ по происхожденiю своему отданнымъ въ мастерство быть не можетъ» (Журн. 3 янв. 1845 г.).

лѣтъ забота правительства объ этихъ дѣтяхъ ограничивалась выдачей матерямъ на ихъ прокормленіе половиннаго пайка [1]), и ребенокъ, оставаясь на рукахъ у матери, дѣлилъ съ нею ея нищенскую, бродячую жизнь до того момента, какъ попадалъ въ батальонъ. «Нищіе поневолѣ, заражаясь примѣромъ своихъ родителей, увлекаясь бродячею и безпечною ихъ жизнью, эти дѣти сами впадали въ нищенство невольно» и, по выраженію отчетовъ, «коснѣли въ нищенствѣ и тунеядствѣ» [2]); подрастая, отбивались отъ родителей и продолжали нищенствовать самостоятельно. Для мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи эта бродячая жизнь, рано или поздно, должна была кончиться въ школѣ кантонистовъ, на дѣлѣ, они нерѣдко имѣли возможность и просрочить и, можетъ быть, даже избѣгнуть зачисленія въ военную службу на продолжительное время [3]). Дѣвочки, солдатскія дочери, такъ и оставались на улицѣ, пополняя собою ряды нищенствующихъ. Такихъ солдатскихъ дѣтей перебывало много передъ Комитетомъ. Въ 1859 г. отмѣчено 79 чел. (изъ нихъ мальчики всѣ малолѣтніе, а дѣвочки, какъ видно изъ дѣлъ, въ большинствѣ случаевъ тоже); въ 60-хъ годахъ число ихъ варьируетъ отъ 60 до 77, а въ 1868 г. достигаетъ цифры 122. Еще въ семидесятыхъ годахъ солдатскія дѣти давали наиболѣе крупный процентъ среди безпризорныхъ дѣтей (напр., въ 1877 г.—75 чел.) и въ Долгоруковскомъ училищѣ долгое время они составляли большинство (напр., въ 1882 г. изъ 27 учениковъ 10 солдатскихъ дѣтей, въ 1888 г. изъ 26—12).

Близко къ положенію солдатокъ и ихъ дѣтей нерѣдко было положеніе вольноотпущенныхъ женщинъ. Точно такъ же, хотя по инымъ причинамъ, вольноотпущенные оказывались выкинутыми изъ рамокъ общественнаго строя; хотя ихъ и приписывали къ мѣщанскому сословію, но мѣщанское общество не признавало за своихъ сочленовъ этихъ лицъ, приписанныхъ къ нему исключительно «для счету», и въ этомъ отношеніи было право, отказываясь брать на себя тѣ заботы, отъ которыхъ отказывались помѣщики, бывшіе хозяева новыхъ мѣщанъ. Вольноотпущенныя,

[1]) Въ дѣлѣ № 25, 1839—1840 г. находится, напримѣръ, ходатайство солдатки Прасковьи Ѳедоровой объ освобожденіи ея изъ Работнаго Дома, «съ тѣмъ, какъ изъясняется, что она намѣрена представить сына своего (груднаго младенца) въ учебный карабинерскій полкъ и просить о назначеніи ему провіанта».

[2]) Отчеты 1860 и 1874 гг.

[3]) См. журн. 1845 г. 6 іюня: 15 марта 1843 г. доставленъ въ Работный Домъ солдатскій сынъ Прокофій Парменовъ, 9 лѣтъ; явившаяся въ іюнѣ мать его заявила, что ей неизвѣстно, записанъ-ли онъ въ кантонисты; Комитетъ вошелъ по этому предмету въ переписку съ Тверскимъ Губернскимъ Правленіемъ, которая не была закончена еще въ 1845 году.

такимъ образомъ, попадали въ то же внѣсоціальное положеніе, въ какомъ находились солдатскія жены, были внѣ соціальныхъ подраздѣленій, образуя тотъ «вредный классъ людей», какъ выражался хозяинъ столицы гр. Закревскій [1]), отъ котораго всѣ старательно сторонились. Нищенство, поэтому, и для нихъ являлось единственнымъ удѣломъ, и эту судьбу съ родителями раздѣляли и дѣти вольноотпущенныхъ [2]). Неопредѣленность общественнаго положенія заранѣе обрекала этихъ бѣдныхъ ребятъ на бродяжничество и нищенство. Вотъ, одинъ примѣръ изъ журналовъ Комитета за 1845 г. [3]). Вольноотпущенный мальчикъ г-жи Елагиной, Александръ Ѳеоктистовъ, поступилъ въ первый разъ въ Работный Домъ въ декабрѣ 1841 г. и на основаніи его показаній, будто онъ московскій мѣщанинъ, былъ отправленъ въ домъ Градского Общества, но черезъ нѣсколько дней возвращенъ оттуда, какъ не принадлежащій къ сословію. Мать его, тоже успѣвшая въ это время попасть въ Работный Домъ, подтвердила, что о припискѣ сына ея къ мѣщанству производится только еще дѣло въ Казенной палатѣ; мальчикъ такъ и остался въ Работномъ Домѣ и былъ въ немъ еще въ 1845 г., когда цеховой Гаврила Васильевъ Гайдуновъ обратился въ Комитетъ съ ходатайствомъ объ отдачѣ ему мальчика въ ученье портному мастерству, но Комитетъ, «по неизвѣстности происхожденія Феоктистова», постановилъ отклонить предложеніе. Такъ, «неизвѣстность происхожденія» окончательно лишала мальчика возможности выкарабкаться на иную дорогу. Другой, не менѣе яркій примѣръ такого положенія представляетъ изъ себя 12-лѣтній вольноотпущенный г-жи Мягковой, Илья Сергѣевъ [4]); условія жизни сдѣлали изъ него профессіональнаго нищаго: въ августѣ 1850 г. онъ былъ задержанъ за нищенство въ третій разъ. Сапожный мастеръ Соколовъ ходатайствовалъ объ отдачѣ ему Сергѣева въ ученье; Комитетъ постановилъ: «снестись со Вторымъ Департаментомъ Московскаго Уѣзднаго Суда, можно-ли отдать мальчика сего въ ученье»? Эти два случая въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ высказанную мысль о томъ неопредѣленномъ соціальномъ положеньѣ, въ которомъ оказывались малолѣтніе вольноотпущенные.

---

[1]) См. его замѣчанія на отчетъ 1849 г.

[2]) Упоминаній въ журналахъ очень много. Напр., 8 февр. 1850 г. доставлена въ Комитетъ за нищенство въ третій разъ вольноотпущенная княгини Гагариной Марина Кузьмина съ 10-лѣтнимъ сыномъ. Тоже въ дѣлахъ: напр., дѣло № 17—1839—1840 г. объ отпущенной вѣчно на волю генералъ-маіоршей Игнатьевой дворовой женѣ Аннѣ Анисимовой, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми ея.

[3]) Журн. 1845 г., 29 сент.

[4]) Журн. 1850 г., 30 авг.

Переходя къ другимъ разрядамъ безпризорныхъ дѣтей, которыя встрѣчались на улицахъ Москвы Николаевскаго времени, приходится отмѣтить, что среди нищенствующихъ подростковъ видное мѣсто занимали дворовые мальчики. Съ этимъ типомъ малолѣтнихъ бродягъ мы уже встрѣчались. Обычно помѣщаемые хозяевами въ обученье къ мастерамъ, не уживаясь на мѣстахъ, они убѣгали и свыкались съ привольной жизнью улицы. Таковъ представленный 5 октября 1844 г. въ Работный Домъ[1]) дворовый человѣкъ г. Токарева, Василій Никифоровъ, 14 лѣтъ; это закоренѣлый рецидивистъ, уже въ шестой разъ попадавшійся въ бродяжничествѣ; два раза его уже возвращали къ его помѣщику; на третій разъ оказалось, что онъ бѣжалъ отъ хозяина своего, мѣщанина Королева, которому былъ отданъ помѣщикомъ въ услуженье, и онъ былъ отправленъ въ Управу Благочинія «по случаю побѣга», очевидно для наказанья; бѣжалъ вторично, при поимкѣ пробовалъ назваться вымышленнымъ именемъ и былъ опять «по случаю побѣга» отправленъ въ Управу Благочинія; въ шестой разъ онъ опять показалъ, что убѣжалъ отъ хозяина и на этотъ разъ былъ препровожденъ въ Губернское Правленіе.

Въ томъ же году былъ задержанъ за нищенство дворовый мальчикъ Сергѣй Васильевъ, принадлежавшій подпоручику Н. Щепочкину; оказалось, что онъ находился по условію въ ученьѣ у портного Орлика, отъ котораго, очевидно, бѣжалъ [2]). Такимъ образомъ, типичный для всѣхъ эпохъ въ Россіи, нищій подростокъ, отданный въ ученье къ мастеру и бѣжавшій отъ него, въ Николаевское время былъ преимущественно дворовый мальчикъ, такъ какъ при господствѣ крѣпостного права изъ помѣщичьей дворни преимущественно вербовались ремесленные ученики.

Слѣдующую группу среди бездомныхъ дѣтей въ Москвѣ первой половины XIX в. составляютъ дѣти цеховыхъ и мѣщанъ. Обыкновенно, тяжелыя экономическія условія бывали причиной нищенства среди нихъ. Часто обѣднѣвшія мѣщанки нищенствуютъ съ дѣтьми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣти нищенствуютъ самостоятельно, и ихъ заработокъ является подспорьемъ для семьи. Такъ, въ апрѣлѣ 1850 года [3]) доставленъ въ третій разъ за нищенство мѣщанскій сынъ Николай Агѣевъ; по ближайшему дознанію оказалось, что Агѣевъ продолжаетъ нищенствовать «по весьма бѣдному состоянію отца его, который посылаетъ его просить милостыню для своего пропитанія».

---

[1]) См. журналы 1844 г.

[2]) Журн. 1844 г., 26 января. Дворовые мальчики вообще упоминаются очень часто: напр., журн. 1841 г., 16 августа, 1845 г., 21 февраля и т. д.

[3]) Журн. 1850 г., 15 апрѣля.

Наконецъ, приходится отмѣтить случайныхъ бродягъ изъ дѣтей привилегированныхъ сословій. Положеніе о Московскомъ Комитетѣ говоритъ, между прочимъ, о дѣтяхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей, «сиротахъ безпомощныхъ, или, коимъ родители не въ состояніи дать не только воспитанія, но и необходимаго даже содержанія, и кои по сей причинѣ скитаются безъ пріюта и просятъ подаянія». Позднѣе фактъ нищенства среди лицъ благородныхъ и духовнаго званія объяснялся «недостаточнымъ надзоромъ за воспитаніемъ, такъ какъ изъ этихъ сословій въ нищенствѣ приводятся юноши и несовершеннолѣтніе, безродные или, хотя имѣющіе родителей, но которые отказываются принимать ихъ на свое попеченіе» [1]).

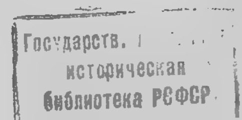
Такова, въ общихъ чертахъ, та пестрая масса безпріютной дѣтворы, которая наводняла Москву временъ Николая I и проходила передъ Комитетомъ. Теперь намъ предстоитъ остановиться на вопросѣ о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты Комитетомъ по отношенію къ бродяжествующимъ дѣтямъ и подросткамъ.

По существу Комитетъ поступалъ съ ними, какъ и съ взрослыми нищими, т.-е. въ полномъ смыслѣ слова разбиралъ ихъ по сословнымъ рубрикамъ и относительно каждой рубрики справлялся въ соотвѣтствующемъ пунктѣ § 45 Положенія, который точно опредѣлялъ, куда направить несовершеннолѣтняго, принадлежащаго къ извѣстному «состоянію». Поэтому, первой задачей Комитета было установить «состояніе» призрѣваемаго, его происхожденіе, выяснить «можно-ли означенныхъ дѣтей почитать»...[2]) дѣтьми того лица, съ которымъ они были задержаны, и провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя они о себѣ давали, если они нищенствовали самостоятельно. Въ томъ случаѣ, когда малолѣтній не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному сословію, Комитетъ торопился причислить, приписать его къ тому или иному «состоянію». Это было необходимо, такъ какъ иначе въ будущемъ для малолѣтняго не было-бы мѣста въ томъ заколдованномъ сословномъ государствѣ, какимъ была Россія до половины прошлаго столѣтія. Такимъ дѣтямъ суждено было, если-бы всѣ бумаги были не въ порядкѣ, «по времени почитаться бродягами и безвинно подпасть подъ строгія мѣры, установленныя для непомнящихъ родства». Поэтому, Комитетъ торопился выправить ихъ документы, выхлопотать для своихъ кліентовъ допущеніе въ то или иное сословіе, или, вѣрнѣе, въ одно лишь сословіе, которое было еще не вполнѣ замкнуто, въ мѣщанское. Онъ и сносится съ Градскимъ Об

---

1) Отчетъ 1881 г.

2) Журн. 1850 г., 1 марта, 15 марта, 15 апрѣля.

ществомъ по этому поводу [1]). Не быть принятымъ въ сословіе означало гражданскую смерть. Въ 1854 г., напримѣръ, въ 1 Московской гимназіи обучался незаконнорожденный сынъ вольноотпущенной дѣвки Варвары Строгановой—Алексѣй Николаевъ, который, какъ писало гимназическое начальство, не можетъ болѣе оставаться въ семъ заведеніи, если не будетъ приписанъ къ мѣщанскому сословію и не получитъ отъ онаго увольнительнаго свидѣтельства для продолженія ученія. Комитетъ выхлопоталъ причисленіе его къ Бронницкому мѣщанству [2]).

Послѣ разбора, Комитетъ принимался за выясненіе дальнѣйшаго направленія каждаго отдѣльнаго кліента. Проще всего разрѣшался вопросъ для солдатскихъ дѣтей мужского пола. Законъ давалъ совершенно точное разрѣшеніе вопроса, требуя отсылки ихъ въ кантонисты. Такъ и поступалъ Комитетъ, направляя ихъ въ учебный Карабинерскій полкъ [3]). Въ кантонисты же въ извѣстныхъ случаяхъ, согласно съ Положеніемъ, отсылали и дѣтей чиновниковъ: такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1845 г. Комитетъ направилъ сыновей отставного губернскаго секретаря Волкова, Никиту и Михаила, къ инспектору учебныхъ карабинерныхъ полковъ для зачисленія въ полкъ. Всѣхъ безпризорныхъ, какого бы происхожденія они не были, Комитетъ, вообще, считалъ себя въ правѣ помѣщать въ кантонисты. [4])

Также просто, по большей части, разрѣшался вопросъ о крестьянскихъ дѣтяхъ; по выясненіи того, какому вѣдомству или какому помѣщику они принадлежатъ, ихъ соотвѣтственно направляли и отдавали мѣстному начальству подъ расписку. Въ этомъ отношеніи Комитетъ опять руководствовался точнымъ смысломъ § 45 и не менѣе точно держался преподаннаго ему наставленія о самомъ порядкѣ высылки несовершеннолѣтнихъ, которая должна была производиться «съ нужными предосторожностями». Дѣйствительно, Комитетъ проявлялъ тутъ и большую заботливость, и осмотрительность. Между тѣмъ какъ взрослыхъ безпощадно, черезъ полицію, «выпроваживаютъ за заставу», малолѣтнихъ никогда не высылаютъ «черезъ внутреннюю стражу»,

---

[1]) Въ одномъ изъ дѣлъ 1839—40 г. имѣется интересное письмо Гор. Головы Александра Алексѣева отъ 5 октября 1840 г. относительно принятія вольноотпущенной Анисимовой съ четырьмя дѣтьми въ здѣшнее мѣщанское сословіе, въ которомъ онъ сообщаетъ, что, «предлагая обстоятельство это на уваженіе Мѣщанскаго Общества, которое, убѣждаясь изъясненными въ отношеніи (Комитета) резонами на принятіе Анисимовой съ дѣтьми въ свое сословіе, изъявило согласіе».

[2]) Дѣло № 21, 1854 года.

[3]) См., напримѣръ, журн. 1845, 19 сентября, и др. Дѣло №—7—1840 г. объ опредѣленіи сыновей отставного прапорщика Часовникова во 2 Карабинерскій учебный полкъ.

[4]) Журн. 1841 г., 30 іюня.

т.-е. этапнымъ порядкомъ, какъ это рекомендовалъ Комитету въ 1840 году Московскій Земскій Судъ [1]). Комитетъ считаетъ это «небезопаснымъ по ихъ малолѣтству» [2]). О задержанномъ ребенкѣ сообщается соотвѣтствующему вотчинному начальству, которое и обязано принять тѣ или иныя мѣры. Иногда староста деревни, откуда родомъ задержанный, самъ является за мальчикомъ [3]). Чаще всего черезъ Земскій Судъ предписывается о высылкѣ изъ деревни подводы за дѣтьми [4]). Въ другихъ случаяхъ отправленіе поручается агенту Комитета: такъ, постановленіемъ отъ 10 іюля 1840 г. взятаго за прошеніе милостыни безъ вида мальчика Егора Тихонова, 11 лѣтъ, рѣшено отправить на родину, а отправку его поручить г. агенту Евдокимову [5]). При высылкѣ выдавалось иногда денежное пособіе: такъ, въ 1854 г. двумъ крестьянскимъ мальчикамъ, какъ видно изъ денежнаго отчета, было дано пособіе въ 3 руб. [6]). Безпаспортныхъ снабжали особымъ билетомъ отъ Комитета.

На ряду съ высылкой и отдачей подъ расписку начальству, широко практикуется передача на поруки благонадежнымъ лицамъ, при чемъ поручители добровольно при подпискѣ обязуются внести въ пользу Комитета извѣстный штрафъ (первоначально по 25 руб.), «если пріемлемые ими нынѣ замѣчены впредь будутъ въ прошеніи милостыни» [7]). Чаще всего дѣти отдаются на поруки родителямъ или родственникамъ, или же просто, по выясненіи обстоятельствъ дѣла, отпускаются съ ними безъ дальнѣйшихъ формальностей [8]).

Но какъ-бы простымъ ни казался порядокъ эвакуаціи призрѣваемыхъ малолѣтнихъ по системѣ, принятой Комитетомъ, извѣстное и часто очень большое число дѣтей оставалось у него на рукахъ. Этихъ дѣтей совершенно безродныхъ или такихъ, отъ которыхъ отступалось соотвѣтствующее начальство и сословіе, Комитету предстояло устраивать, какъ онъ умѣлъ и могъ. На первомъ планѣ стояло помѣщеніе дѣтей въ пріюты, или, вѣр-

---

[1]) Впрочемъ, есть рядъ случаевъ, когда высылались за заставу родители съ дѣтьми (напр., журн. 1850 г., 4 января, 19 іюля).

[2]) Журн. 1850 г., 4 марта.

[3]) Журн. 1841 г., 18 октября.

[4]) Очень много случаевъ,—напр., журн. 1845 г., 10 марта, 22 ноября и т. д.

[5]) Журн. 1840 г.

[6]) Прилож. къ отчету 1854 г.

[7]) Журн. 1839 г., 14 октября.

[8]) Напр., на поруки двоюродному брату—журн. 14 октября 1839 г. Дядя беретъ малолѣтнихъ сиротъ-племянниковъ—журн. 18 іюля 1841 г. Отецъ беретъ дѣтей—журн. 11 августа 1845 г., 15 февраля 1841 г. и т. д. (примѣровъ очень много).

нѣе, въ единственно существовавшіе въ то время Московскій Сиротскій Домъ и Воспитательный Домъ; послѣдній съ своей стороны такихъ дѣтей отправлялъ въ деревню [1]). Недостаточность вакансій тогда, какъ и теперь, позволяла, впрочемъ, устраивать дѣтей такимъ путемъ лишь въ видѣ исключенія.

Зато, въ то время существовала широкая возможность подростковъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, помѣщать въ ученье, мѣра, къ которой Комитетъ прибѣгалъ очень часто. На этой сторонѣ дѣятельности Комитета приходится остановиться нѣсколько подробнѣе. Комитету, какъ было указано, Положеніемъ были предоставлены въ этомъ отношеніи совершенно опредѣленныя права: онъ могъ помѣщать своихъ малолѣтнихъ кліентовъ въ ученье даже безъ согласія ихъ родителей, самъ заключалъ условіе съ мастеромъ и слѣдилъ за его соблюденіемъ; условіе могло быть нарушено лишь съ согласія Комитета. Такимъ образомъ, онъ пользовался значительной, дискреціонной властью, могъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, даже отбирать дѣтей у родителей для помѣщенія ихъ на мѣста. Въ видѣ примѣра, можно привести слѣдующій случай: задержана за нищенство цеховая Авдотья Аксакова съ малолѣтнимъ сыномъ, сынъ отданъ въ ученье, а сама она препровождена для законнаго наказанія въ домъ Градскаго Общества, откуда Комитету дано знать, что она «наказана при полиціи розгами, а сынъ находится по условію въ ученіи» [2]). Обыкновенно Комитетъ при помѣщеніи въ ученье дѣйствуетъ черезъ своихъ членовъ и агентовъ, которые приглашались изъ купечества. Часто Комитетъ предлагаетъ имъ, «не пожелаютъ-ли взять (того или иного мальчика) на свою фабрику» [3]), или поручаетъ имъ «о пріисканіи мѣста на фабрикѣ или у надежнаго мастера для отдачи въ ученье». Впрочемъ, по экономическимъ условіямъ того времени спросъ на трудъ малолѣтнихъ былъ очень значителенъ, и предложеніе работы шло преимущественно отъ самихъ предпринимателей. Послѣдніе входили въ Комитетъ съ письменнымъ заявленіемъ о желаніи взять въ обученіе питомцевъ Работнаго Дома. Такъ, купецъ Прокофій Дмитріевъ Плигинъ писалъ 7 февраля 1840 г. [4]): «имею я сургучную фабрику, усердие имею принять изъ онаво Комитета къ себѣ для онаво мастерства двухъ мальчиковъ отъ 13 и 16 летъ на пять и на шесть летъ и за оныхъ мальчиковъ во время оныхъ летъ у меня въ

---

[1]) См., напр., дѣло № 7, 1840 г. Ср. журн. 11 апрѣля 1835 г. О помѣщеніи въ Воспитат. Домъ см. журн. 1845 г., 31 октября и т. д.

[2]) Журн. 1845 г., 30 іюня.

[3]) Журн. 1850 г., 10 іюня (предложено гг. членамъ Константинову и Прохорову) и др.

[4]) Дѣло № 29, 1839—1841 гг.

мастерствѣ обязуюсь платить подати также пища и одежда моя только стемъ чтобы мнѣ иметь на прожитие имъ белеты отъ Комитета и не записывая въ адресъ контору» [1]). Предложеніе, объектами котораго были призрѣваемые въ Работномъ Домѣ малолѣтніе, было крайне разнообразно. Много предложеній, напримѣръ, объ отдачѣ въ обученье портновскому дѣлу какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ [2]), и сапожному мастерству [3]). На ряду съ этими ремеслами, распространенными и въ настоящее время, встрѣчаемъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ ремеслъ. Дѣвочекъ берутъ, напримѣръ, обучать ленточному и бахромному мастерству, обтягиванію пуговицъ, подрѣзыванію кисеи и т. п. [4]), мальчиковъ перчаточному мастерству [5]), переплетному, часовому и др. Фельдшерный мастеръ Ив. Дмитріевъ въ іюлѣ 1845 г. [6]) изъявилъ желаніе принять на 7 лѣтъ на всемъ содержаніи изъ числа призрѣваемыхъ Работнаго Дома двухъ мальчиковъ—турецкаго выходца Василія Васильева и Александра Феоктистова, каждому по 12 лѣтъ, и просилъ о заключеніи узаконеннаго контракта. Таковы были разнообразныя мастерства, въ ученье которымъ попадали кліенты Комитета. Обычно «заведенія», на которыя такъ охотно ихъ принимали, представляли изъ себя очень маленькія предпріятія, своего рода маленькія домовыя мастерскія. Таково, напримѣръ, ленточное и бахромное заведеніе цеховой Елены Архиповой, нѣсколько разъ упоминаемое въ журналахъ Комитета: мастерство она производитъ на двухъ станкахъ, на которыхъ работаютъ двѣ мастерицы; изъ нихъ одна взята Архиповою изъ Работнаго Дома [7]).

---

[1]) См. тамъ же аналогичное заявленіе мѣщанина Тихона Васильева о желаніи на такихъ же условіяхъ принять для обученія мастерству «переплета книгъ» трехъ мальчиковъ отъ 12 до 15 лѣтъ.

[2]) Напримѣръ, журн. 29 сентября, 1845 г., предложеніе цехового Гавр. Гайдукова объ отдачѣ ему въ ученье портному мастерству мальчика Александра Феоктистова, «коего онъ принимаетъ на собственное иждивеніе». Дѣло № 45, 1839—40 (московской мѣщанкѣ Агафьѣ Никитиной отдана для обученья портному мастерству солдатская дочь Агафья Лаврентьева).

[3]) Напримѣръ, журн. 5 іюля, 1850 г.—вольноотпущенный Уваръ Николаевъ и сынъ умершаго арестанта Ѳедоръ Ивановъ отданы въ ученье сапожному мастерству моск. цеховому П. И. Семенову; тамъ же моск. мѣщанинъ А. Я. Соколовъ ходатайствуетъ объ отдачѣ ему въ ученье сапожному мастерству призрѣваемаго Илью Сергѣева 12 лѣтъ.

[4]) Журн. 7 іюня 1850 г., 10 іюня 1850 г. (10-лѣтняя дѣвочка по контракту на 5 лѣтъ помѣщена въ ученье подрѣзыванью кисеи), 5 іюля 1850 г., 3 января 1845 г.

[5]) Журн. 3 января 1845 г.,—купецъ Лебедевъ выражаетъ желаніе принять призрѣваемыхъ въ Работномъ Домѣ для обученія перчаточному мастерству трехъ мальчиковъ; купецъ Вас. Поляковъ тоже объ отдачѣ въ перчаточное заведеніе его въ ученье трехъ мальчиковъ.

[6]) Журн. 1845 г., 18 іюля.

[7]) Журн. 1850 г., 7 іюня, ср. журн. 1855 г., 19 февраля.

Примѣромъ еще болѣе мелкаго ремесленника можетъ служить московскій мѣщанинъ Макаръ Ивановъ: у него въ селѣ Черкизовѣ небольшой домикъ, онъ торгуетъ табакомъ; дочь его съ маленькой дѣвочкой занимается обтягиваніемъ пуговицъ, и вотъ, это-то дѣло онъ хочетъ расширить и взять въ обученье одну дѣвочку, призрѣваемую въ Работномъ Домѣ [1]). На ряду съ мелкими мастерскими упоминаются фабрики; малолѣтнихъ призрѣваемыхъ отдаютъ на фабрики къ агентамъ Комитета—Новикову, Чижову и др. Выше приведено заявленіе одного частнаго фабриканта. Часто это очень маленькія фабрики, приближающіяся къ типу мастерскихъ. Но и большія фабрики знали институтъ ученичества и, можетъ быть, нуждались въ немъ.

Приходится повторить, что при распространеніи мелкой кустарной формы промышленности и при отсутствіи достаточнаго количества свободныхъ рабочихъ рукъ—всѣ эти заведенія дорожили возможностью получать черезъ посредство Комитета малолѣтнихъ учениковъ-рабочихъ. Попадаются случаи, когда одно и то же лицо обращается нѣсколько разъ въ Комитетъ съ соотвѣтствующими ходатайствами. Такъ, упомянутая Елена Архипова въ 1847 году взяла изъ Работнаго Дома дѣвочку 9 лѣтъ, Марію Фуксъ, а въ 1850 году, желая «увеличить свое заведеніе прибавленіемъ станковъ», она ходатайствуетъ отпустить къ ней еще одну дѣвочку; мы видимъ, что сразу берутъ по нѣсколько мальчиковъ въ ту или иную мастерскую; на ихъ трудѣ строится работа этихъ мелкихъ заведеній. При такихъ условіяхъ Комитетъ могъ дѣлать извѣстный выборъ, и, дѣйствительно, въ дѣлѣ помѣщенія малолѣтнихъ въ обученье проявляется большая осторожность. Предварительно одному изъ агентовъ поручается произвести обслѣдованіе «о состояніи и нравственности» лица, изъявившаго желаніе принять къ себѣ въ обученіе кого-либо изъ призрѣваемыхъ, и нерѣдко на основаніи отзывовъ агентовъ Комитетъ отклонялъ предложеніе. Такъ, напримѣръ, отклонено было ходатайство цехового Михаила Артамонова, просившаго отпустить къ нему четырехъ дѣвочекъ, въ виду отзыва агента, «что сей Артамоновъ состоянія порядочнаго, но принадлежитъ къ скопчеству» [2]). Ходатайство упомянутаго выше мѣщанина Иванова было отклонено, въ виду ничтожности его предпріятія, и т. д. Въ случаѣ, если обслѣдованіе давало благопріятные результаты, то заключеніе узаконеннаго контракта поручалось одному изъ агентовъ [3]).

---

[1]) Журн. 1850 г., 5 іюля.

[2]) Журн. 1845 г., 28 апрѣля.

[3]) Вотъ, образецъ контракта: 28 марта 1851 года придворный часовой мастеръ, цеховой Ив. Вас. Толстой, заключилъ условіе со старшимъ сотрудникомъ Комитета о просящихъ милостыню, надворнымъ совѣтникомъ И. Ф.

Нерѣдко хозяевамъ приходилось плакаться съ своими учениками, мало дисциплинированными, вороватыми и привыкшими къ уличной свободѣ. Мы безпрестанно слышимъ жалобы на ихъ «лѣность и нерадѣнье», на то, что они оказались «къ трудамъ весьма неприлежны» [1]). Ихъ безпрестанно возвращаютъ обратно въ Работный Домъ, а сами призрѣваемые плохо уживались на мѣстахъ и убѣгали съ нихъ. Сохранился любопытный рапортъ агента Мих. Вас. Новикова, въ которомъ онъ сообщаетъ, что «присланный изъ онаго Комитета для занятія на фабрикѣ моей работой воспитанникъ Акимъ Ивановъ съ фабрики скрылся и унесъ у другого фабричнаго картузъ» [2]); мальчикъ задержанъ полиціей, но Новиковъ его, «какъ человѣка подозрительнаго», отказывается имѣть на фабрикѣ и возвращаетъ въ Комитетъ. Возвращаемыхъ въ Работный Домъ подростковъ Комитетъ подвергалъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, напримѣръ, на мѣсяцъ переводилъ ихъ въ третій штрафной разрядъ [3]); но, вѣроятно, самыя условія труда въ мелкихъ заведеніяхъ были нелегкія, и отношеніе къ ученикамъ не всегда хорошее, и это способствовало, можетъ быть, неуживчивости призрѣваемыхъ на мѣстахъ. Въ ноябрѣ 1839 года, напримѣръ, 15-лѣтняя солдатская дочь Агафья Лаврентьева, отданная для обученія портному мастерству, «отъ хозяйки своей отлучилась и самовольно вернулась въ Работный Домъ»; она показала, «что причина ея отлучки, будто бы (ея хозяйка) хотѣла ее отправить въ частный домъ для наказанія». Комитетъ принялъ во вниманіе ея объясненія [4]).

На ряду съ отдачей малолѣтнихъ призрѣваемыхъ въ обученье практикуется также отдача ихъ въ услуженіе. Обыкновенно ихъ брали къ себѣ для услугъ лица, близкія къ Комитету. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году [5]) агентъ, купецъ Тулуповъ, выразилъ желаніе взять къ себѣ въ услуженіе десятилѣтнюю дѣвочку Евгенію Аргаеву, такъ какъ «по ея малолѣтству» ее трудно было устроить въ обученіе; въ другомъ случаѣ одинъ изъ младшихъ со-

---

Звѣревымъ, въ томъ, что онъ пришлетъ отъ онаго Комитета мальчика, московскаго цеховаго Петра Иванова, отъ роду 12 лѣтъ, для обученія часовому мастерству срокомъ на 5 лѣтъ, и во все продолженіе сего времени обязуется его одѣвать и обувать и содержать на всемъ своемъ иждивеніи и не требовать отъ Комитета никакого вознагражденія, съ тѣмъ, однако, чтобы по истеченіи сего времени возобновить сіе условіе еще на 3 года для усовершенствованія Иванова». Въ 1856 году условіе было возобновлено сыномъ умершаго Толстого (Дѣло № 39, 1856 года).

[1]) Журн. 1841 г., 18 февраля. Дѣло № 45, 1839—1840 гг.

[2]) Дѣло № 22, 1839—1840 гг.

[3]) Журн. 1841 г., 18 февраля.

[4]) Дѣло № 22, 1839—1840 гг.

[5]) Журн. 1850 г., 14 іюня.

трудниковъ ходатайствуетъ объ отдачѣ 8-лѣтней дѣвочки въ услуженіе его сестрѣ. При помѣщеніи на мѣста Комитетъ принималъ нѣкоторыя мѣры предосторожности: въ послѣднемъ случаѣ онъ возложилъ на хозяйку обязательство дѣвочку «содержать въ довольствѣ всего нужнаго и занимать полезными работами по мѣрѣ возраста и силъ ея, и, если она въ теченіе сего года найдетъ ее для себя благонадежной, то чтобъ на будущее время обезпечила ее какою-либо платою или устройствомъ судьбы ея въ будущемъ времени» [1]). Формой отдачи въ услуженіе являлась также отдача дѣтей на воспитаніе частнымъ лицамъ, нѣсколько случаевъ каковой попадается въ дѣлахъ Комитета [2]), такъ какъ послѣднія, принимая ребенка на воспитаніе, имѣли въ виду въ будущемъ извлекать изъ него извѣстную пользу въ смыслѣ услугъ. Въ странѣ, гдѣ при господствѣ крѣпостного права чувствовался недостатокъ въ свободной прислугѣ, такой способъ пріобрѣтать нерѣдко пожизненныя услуги и трудъ воспитанника установился еще въ XVII в. въ купеческихъ семьяхъ и держался въ теченіе всего XVIII и половины XIX вѣка.

Таковы были тѣ способы эвакуаціи, которыми пользовался Комитетъ по отношенію къ малолѣтнимъ призрѣваемымъ. Несмотря, однако, на всѣ мѣры, которыя въ этомъ отношеніи принимались, большое число дѣтей подолгу засиживалось въ Работномъ Домѣ, оставаясь въ немъ «до устроенія своей участи», по выраженію отчета 1851 года, по цѣлымъ годамъ (по 3, 4 года), пока объ нихъ шла переписка. Попадаются даже случаи, когда московская администрація направляетъ въ Работный Домъ малолѣтнихъ «для содержанія въономъ до совершеннолѣтія», или-же «для содержанія подъ карауломъ» безъ опредѣленія срока [3]). Такимъ образомъ, въ Работномъ Домѣ налицо постоянно находилась значительная группа малолѣтнихъ призрѣваемыхъ, и возникаетъ вопросъ о томъ, гдѣ и какъ они содержались.

Положеніе требовало, чтобы они содержались въ особомъ отдѣленіи Работнаго Дома; въ дѣйствительности, судя по отчету 1859 года, малолѣтнія дѣти въ возрастѣ отъ года до 8 лѣтъ находились въ женскихъ отдѣленіяхъ при своихъ матеряхъ, а тѣ, которыя были старше, поручались особому попеченію надзирателей и надзирательницъ, но помѣщались, кажется, въ общихъ палатахъ со взрослыми. Въ содержаніи ихъ дѣлалось, впрочемъ, нѣкоторое отличіе: для дѣтей, какъ и для престарѣлыхъ, пола-

---

[1]) Журн. 1841 г., 9 августа.

[2]) 4 іюл 1845 г. московская мѣщанка Анна Платонова вызвалась взять на свое иждивеніе и воспитаніе призрѣваемую въ Работномъ Домѣ дѣвку Дарью Фролову.

[3]) Журн. 1841 г., 23 декабря, 1850 г., 22 іюля.

гался улучшенный столъ, на что въ 1847 году было, напримѣръ, израсходовано 45 руб. 71½ коп. [1]). Въ виду длительнаго пребыванія нѣкоторыхъ малолѣтнихъ въ Работномъ Домѣ, явилась необходимость организовать для нихъ тѣ или иныя занятія. Уже въ отчетѣ 1840 года говорится объ обученіи ихъ грамотѣ, «чтобы имѣть возможность читать назидательныя книги; для безграмотныхъ чтеніе таковыхъ сочиненій не прерывалось и во время рукодѣльныхъ занятій», иначе говоря, неграмотные малолѣтніе освобождались отъ другихъ работъ. Въ послѣдующихъ отчетахъ (напримѣръ, отчетъ 1847 года) говорится, что малолѣтніе обучались «чтенію, счету и начаткамъ Закона Божія». Законъ Божій преподавалъ приходскій священникъ сосѣдней церкви св. Ивана Воина на Мясницкой [2]). Что касается прочихъ предметовъ, то, говоря словами отчета 1840 года, «къ сему особенно употребляемы были отставные чиновники, кормившіеся мірскимъ подаяніемъ, вмѣсто другихъ неподручныхъ званію и привычкамъ ихъ упражненій». «За должность учителя» полагалось скромное вознагражденіе—5 руб. 84 коп. въ 1856 году [3]); впрочемъ, губернскій секретарь Василій Абросимовъ, служившій при конторѣ Работнаго Дома, «за обученіе малолѣтнихъ призрѣваемыхъ чистописанію» получалъ въ 1850 году по 3 руб. серебромъ въ мѣсяцъ [4]). Большой потребностью являлось, на ряду со школьными занятіями, обученіе малолѣтнихъ призрѣваемыхъ ремесламъ. До насъ дошло отъ 10 января 1841 года [5]) прошеніе призрѣваемаго «мѣщанина изъ малолѣтнихъ Александра Феоктистова «о желаніи поступить въ ученіе сапожному мастерству», на что послѣдовала резолюція: «обучить въ Работномъ Домѣ сапожному мастерству». Изъ этого видно, что въ 1841 году еще не было организовано преподаваніе ремеслъ для малолѣтнихъ, но въ отчетѣ 1847 года уже говорится объ обученіи ихъ мастерствамъ—сапожному, портновскому, переплетному. Трудно сказать, какъ велись эти занятія, но, судя по послѣдующему, дѣло было поставлено довольно случайно. Такимъ образомъ, никакой прочной организаціи для малолѣтнихъ въ Работномъ Домѣ не существовало: они размѣщались довольно случайно по палатамъ; школа, порученная заботамъ грамотеевъ изъ призрѣваемыхъ, не могла идти блестяще: спеціальнаго воспитательскаго персонала не было. Вопросъ о собственной организаціи для воспитанія безпризорныхъ дѣтей и подростковъ въ то время и не возникалъ.

---

[1]) Отчетъ 1847 г.

[2]) Журн. 1850 г., 16 ноября.

[3]) Отчетъ деньгамъ, выданнымъ призрѣваемымъ по ярлыкамъ за домашнія работы въ 1856 г. (Приложеніе къ отчету).

[4]) Журн. 1850 г.

[5]) Журн. 1841 г.

Крестьянская реформа 1861 года и послѣдовавшія за нею земская, городская и судебная реформы совершенно разбивали работу Комитета. Послѣдній скоро долженъ былъ почувствовать перемѣны, совершившіяся среди его кліентовъ, «въ силу измѣнившихся условій семейнаго и общественнаго быта по переходу изъ крѣпостной зависимости и новаго порядка ихъ общественнаго строя». Сословный строй, зиждившійся на крѣпостномъ правѣ, палъ; между тѣмъ, вся дѣятельность Комитета строилась на сословныхъ началахъ, которыя были перевернуты реформами, и, слѣдовательно, утрачивала теперь всякую почву и теряла свое значеніе. 4 августа 1875 года вице-президентъ Комитета С. П. Яковлевъ вошелъ въ Комитетъ съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія, хорошо рисующимъ положеніе вещей: «благодѣтельныя реформы, коими Всемилостивѣйшій Монархъ осчастливилъ наше отечество,.. измѣнили совершенно общественный и сословный строй. При такого рода обстоятельствахъ Комитетъ нашъ, очевидно, не можетъ руководствоваться правилами, составленными для него до отмѣны крѣпостного права и до введенія судебной реформы. Чтобы цѣль, предназначенная нашему Комитету, достигалась, необходимо, чтобы достиженіе оной было поставлено въ соотвѣтственное положеніе съ духомъ законодательныхъ учрежденій, призванныхъ управлять той средой, до которой относится и дѣятельность Комитета» [1]).

На ряду съ этимъ происходитъ большая и всеобъемлющая перемѣна въ экономической жизни страны. Условія городской жизни усложнялись, дѣлались многообразнѣе. Большая помѣщичья деревня, Москва, эта барская усадьба всей черноземной Россіи, какъ ее называлъ въ 1812 году Трощинскій, превращалась въ крупный торгово-промышленный центръ; столица дворянства преобразовалась въ столицу купечества. Комитетъ не безъ страха отмѣчалъ происходившую у него на глазахъ революцію въ хозяйственной жизни Москвы, усиленіе нищенства «отъ роскоши, прежде невиданной, какъ-то трактировъ и всевозможныхъ развлеченій»; со средины семидесятыхъ годовъ въ отчетахъ указывается, что «Москва является центромъ желѣзныхъ дорогъ», отмѣчается «приливъ людей изъ разныхъ даже весьма отдаленныхъ мѣстностей по случаю легкаго сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ» [2]). Промышленный центръ властно влечетъ къ себѣ все экономически слабое. Все это стремится теперь въ Москву, «въ надеждѣ пристроиться на фабрики и заводы», а между тѣмъ усилившіеся размѣры предложенія рабочихъ рукъ, невозможность мелкимъ заведеніямъ конкурировать съ крупными, наконецъ, упадокъ цехо

[1]) Журн. 1875 г., 7 августа.

[2]) Отчеты 1875 и 1884 гг.

выхъ организацій, державшихся, какъ многое иное, на общихъ сословныхъ основахъ дореформенной Россіи, затрудняли полученіе заработка. Все это отразилось на дѣятельности Комитета. Начать съ того, что малолѣтняя кліентура Комитета въ значительной степени измѣнилась. Исчезли дворовые мальчишки, пополнявшіе собою кадры безпризорныхъ. Постепенно сошли со сцены солдатскія дѣти. «Есть надежда», писали въ отчетѣ 1878 г., «что нищенство въ солдатскомъ сословіи съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться отъ учрежденія всесословной воинской повинности, что показываетъ уже отчетный годъ». Дѣйствительно, число солдатскихъ дѣтей медленно, но постоянно падаетъ. Въ 1868 году число ихъ достигаетъ 122; въ семидесятыхъ годахъ варьируетъ отъ 51 до 75 чел.; съ 1880—1885—45—46; въ 1886—35 чел.; въ 1887 г.—16 чел.; 1888—1892 г. отъ 1 до 2 чел.; въ 1896 г. уже этотъ разрядъ дѣтей не упоминается.

Не измѣнилась лишь по существу крестьянская кліентура, такъ какъ реформа измѣнила юридическія, но не экономическія условія, и тотъ же Верейскій уѣздъ, бывшія вотчины Шуваловыхъ, поставляли въ Москву толпы бродяжествующихъ «шуваликовъ», дѣлавшихъ, по-старому, промыселъ изъ нищенства.

Кореннымъ образомъ измѣнился или, вѣрнѣе, долженъ былъ измѣниться весь характеръ работы Комитета. Положеніе предусматривало дѣятельность исключительно въ сословныхъ рамкахъ и, какъ общее правило, возлагало попеченіе о просящихъ милостыню на тѣ общества, вѣдомства и сословія, къ которымъ они принадлежали, или на тѣхъ владѣльцевъ, чьей собственностью они были. Это часто была фикція, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ была исходная точка, это была одна изъ возможностей, основа системы, изъ которой исходилъ Комитетъ и, основываясь на которую, часто добивался содѣйствія. Въ теоріи, по крайней мѣрѣ, не существовало людей, которые бы нуждались въ государственной или общественной поддержкѣ; законъ все это возлагалъ на соотвѣтствующую сословную организацію, вѣдомство или помѣщика, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они были безсильны, государство являлось на помощь. Разъ все это было измѣнено, необходимо надо было искать новыхъ началъ. Поэтому, въ связи съ общими реформами крестьянскаго и вообще сословнаго строя, очень рано всплылъ вопросъ и о новой постановкѣ общественной благотворительности. Отчетъ 1860 года уже отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи роль «допущенной въ печати гласности»: въ періодическихъ изданіяхъ помѣщались статьи, указывающія прямо на горькія послѣдствія безсистемной раздачи милостыни. Интересъ къ вопросу виденъ и въ появленіи брошюры Прыжова въ 1862 г., и въ печатаніи матеріаловъ по борьбѣ съ нищенствомъ въ та-

комъ серьезномъ журналѣ, какъ «Чтенія Исторіи и Древностей Россійскихъ» въ 1861—62 гг., при чемъ редакція мотивировала его интересомъ момента. Попыткой поставить благотворительность на новую почву является возникновеніе въ шестидесятыхъ годахъ цѣлой сѣти приходскихъ попечительствъ и братствъ при московскихъ церквяхъ. При этомъ нельзя было обойти молчаніемъ дѣтскій вопросъ. Прыжовъ съ паѳосомъ пишетъ: «Если общество не считаетъ нужнымъ сдѣлать что-нибудь съ нищими, то позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о будущемъ. У нищихъ—толпы дѣтей, среди нищихъ живетъ множество дѣвочекъ: спасите хоть этихъ несчастныхъ, или на это нѣтъ у васъ никакихъ средствъ»? И онъ выступаетъ съ тѣмъ наивнымъ предложеніемъ, повтореніе котораго мы недавно слышали, отогнать отъ церквей дармоѣдовъ-нищихъ и поставить на ихъ мѣсто на паперти честнаго, извѣстнаго въ приходѣ человѣка съ тарелкой въ рукѣ, который бы просилъ: «для нищихъ дѣтей, Христа ради! для воспитанія будущихъ поколѣній великаго русскаго народа, вырастающихъ въ нищенствѣ! Христа ради»!

Мысль о томъ, что на первомъ планѣ въ борьбѣ съ нищенствомъ стоитъ вопросъ о малолѣтнихъ, постепенно устанавливается и въ Комитетѣ. Уже въ отчетѣ 1859 года мы читаемъ: «Опытъ многолѣтнихъ занятій Комитета указываетъ, что, къ какому бы сословію ни принадлежалъ испрашивающій мірское подаянье, всего чаще главныя или коренныя причины нищенства зависятъ отъ образа жизни въ молодыхъ годахъ и отъ общественной среды, въ которой онъ въ то время находился. Въ низшихъ сословіяхъ не менѣе сильное вліяніе въ этомъ отношеніи имѣютъ равнодушіе и беззаботность родителей о своихъ дѣтяхъ и совершенное отсутствіе образованія». Такимъ образомъ, дѣтская безпризорность устанавливалась, какъ коренная причина нищенства, и эта мысль постепенно вытѣсняетъ изъ отчетовъ Комитета «безполезныя разсужденія о пауперизмѣ и добрыхъ свойствахъ русскаго народа», которыя въ свое время вызывали ироническія и властныя замѣчанія гр. Закревскаго. Такимъ образомъ, и печать, и Комитетъ подходили къ вопросу о необходимости организованной борьбы съ дѣтской безпризорностью. «Во избѣжаніе подобнаго зла», писалъ Комитетъ, «нерѣдко имѣющаго вредное вліяніе на цѣлую жизнь, Комитетъ находилъ бы полезнымъ дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ оставлять при Работномъ Домѣ на все то время, какое нужно было бы для обученія ихъ грамотѣ и тѣмъ ремесламъ, къ которымъ окажутся они способными и обнаружатъ призваніе, или, пресѣкая всякую возможность къ возвращенію ихъ къ прежней жизни и вредному сообществу, помѣщать по фабрикамъ и заводамъ—словомъ, давать имъ нѣкоторое обра-

зованіе, отсутствіе котораго составляетъ главную причину всѣхъ пороковъ».

Вопросъ объ организаціи особыхъ пріютовъ для нищенствующихъ дѣтей тѣмъ болѣе назрѣвалъ, что другіе способы борьбы съ безпризорностью изсякали. Сословной опеки не существовало; новыя условія труда, какъ указано выше, убивали мелкое производство и закрывали возможность помѣщать малолѣтнихъ къ мастерамъ. Изъ данныхъ, приведенныхъ выше, видно, какой спросъ на трудъ малолѣтнихъ существовалъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ и какъ часто пользовался Комитетъ отдачей ихъ въ ученье. Позднѣйшія свѣдѣнія совершенно иного свойства: въ 1867 г. отдано въ ученье всего 2 чел., 1873 г.—1, въ 1874—1 (сап. мастерству), 1882 г.—1 (въ столярное заведеніе), въ 1883 г.——1 помѣщенъ на мѣсто.

Такимъ образомъ, и соображенія теоретическія и житейская практика приводили къ сознанію необходимости создавать особыя учрежденія для воспитанія малолѣтнихъ нищихъ. Въ этомъ отношеніи первые шаги сдѣлали частныя организаціи. Въ 1864 г. Общество распространенія полезныхъ книгъ открыло пріютъ для мальчиковъ, приговоренныхъ по суду, изъ котораго впослѣдствіи развился Рукавишниковскій Пріютъ. Въ 1869 г. при Человѣколюбивомъ Обществѣ образуется особое Общество поощренія трудолюбія въ Москвѣ, которое, между прочимъ, ставило себѣ цѣлью борьбу съ нищенствомъ дѣвочекъ; въ 1874 г. Общество открыло Большевскій Исправительный пріютъ для дѣвочекъ, который, согласно уставу, «имѣетъ цѣлью призрѣвать и воспитывать въ строгихъ правилахъ религіи нищенствующихъ дѣвочекъ (4 до 14 л.), обучать ихъ Закону Божію, грамотѣ и ремесламъ». Въ 1872 г. основана Владычне-Покровская Община Милосердія, которая ставила тоже себѣ цѣлью «вскормленіе и воспитаніе всѣхъ безпріютныхъ младенцевъ всѣхъ возрастовъ и сословій». Тогда же организовалось Общество призрѣнія дѣтей, просящихъ милостыню. Въ этой поднявшейся волнѣ интереса къ вопросамъ призрѣнія безпризорныхъ и нищихъ дѣтей Комитетъ отнюдь не стоялъ во главѣ. Наоборотъ, ревниво оберегая свои прерогативы и свое исключительное право бороться съ нищенствомъ на основаніяхъ Николаевскаго законодательства, онъ сторонился новыхъ начинаній и новыхъ организацій. На предложеніе Общества для поощренія трудолюбія прійти къ нему на помощь по устройству пріюта Комитетъ отписался, что «руководствуясь и относительно малолѣтнихъ нищихъ правилами, указанными ему въ Высочайше утвержденномъ Положеніи, онъ и въ настоящемъ случаѣ никакого особеннаго съ своей стороны ни матеріальнаго, ни нравственнаго содѣйствія оказать не находитъ возможнымъ» [1]),

[1]) Дѣло № 48—1870—71 г.

и въ 1874 году, когда Общество, открывъ свой пріютъ, выражало готовность принимать на призрѣніе кліентокъ Комитета, послѣдній отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ. Однако, жизнь брала свое и подчиняла своему вліянію даже такое канцелярское учрежденіе, какимъ былъ Комитетъ. Отказавшись въ 1874 г. отъ любезнаго предложенія Общества, онъ уже въ слѣдующемъ 1875 г. помѣщаетъ 3 дѣвочекъ въ Большевскій пріютъ, въ 1876 г. двухъ и т. д. Кромѣ того, Комитетъ пользуется услугами Общества призрѣнія дѣтей, просящихъ милостыню, черезъ посредство котораго помѣщаетъ мальчиковъ. На ряду съ этимъ Комитетъ приступаетъ самъ къ разработкѣ плана устройства собственнаго пріюта. Уже въ отчетѣ за 1870 г. Комитетъ возвращается къ вопросу, поднятому въ 1860 г., но лишь въ 1875 г., по предложенію вице-президента Яковлева, была организована Комиссія для составленія устава ремесленной школы для обученія грамотѣ и ремесламъ дѣтей, находящихся при задерживаемыхъ полиціей нищихъ, и вообще бѣднѣйшаго населенія, и для изысканія средствъ для осуществленія этой мысли [1]). Впрочемъ, въ Комитетѣ было сильное колебаніе по этому вопросу, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, и лишь случайное обстоятельство ускорило его разрѣшеніе. Высочайше утвержденная Комиссія для разсмотрѣнія отчетовъ Комитетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго выразила въ своемъ докладѣ пожеланія о возможно скорѣйшемъ учрежденіи школы для малолѣтнихъ нищихъ. Императоръ Александръ II, который до извѣстной степени интересовался вопросомъ, подчеркнулъ эти слова въ докладѣ Комитета и на поляхъ доклада написалъ: Да, Высочайшая воля, выраженная въ этой надписи, возлагала на Комитетъ обязанность торопиться, и Долгоруковское училище, какъ была названа новая школа, и было открыто въ августѣ 1877 г. Это училище, открытія котораго такъ долго ожидали, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Долгое время оно влачило жалкое существованіе [2]). Ютясь въ тѣснотѣ въ небольшомъ деревянномъ зданіи, оно, вмѣсто штатныхъ 40 чел., едва содержало 20—30 мальчиковъ. Хотя въ немъ преподавались ремесла, но мастера получали нищенское вознагражденіе, инструмента не хватало, помѣщеніе мастерскихъ было недостаточно, такъ что столярная и слесарная мастерскія помѣщались въ одной комнатѣ. Преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ брали на себя безплатно «агенты Комитета». Содержаніе мальчиковъ было бѣдное, только съ 1879 г. удвоенъ паекъ мяса, а до тѣхъ поръ они пользовались арестантскимъ пайкомъ. Тѣсная связь съ Работнымъ До-

[1]) Журн. 1875 г.

[2]) Моск. Гор. Долгоруковское Ремесленное уч-ще (сущ. съ 1877 г.)—изд. М. Г. У. 1903.

момъ и его взрослой кліентурой сильно тормозила воспитательное дѣло и пагубно отражалась на немъ. Но хуже всего было, можетъ быть, то обстоятельство, что очень скоро училище перестало удовлетворять тѣмъ нуждамъ, ради которыхъ оно было основано. Нищія дѣти въ немъ составляли меньшинство. Уже въ 1888 г.—изъ 28 чел. только 4 были задержаны за нищенство, а прочія были приняты «по уваженію крайняго недостатка». Это было совершенно естественно при полномъ отсутствіи въ то время профессіональныхъ школъ, разсчитанныхъ на бѣдное населеніе. Съ переходомъ училища въ вѣдѣніе города оно совершенно утратило свое первоначальное назначеніе, отдѣлило себя отъ Работнаго Дома, даже опредѣленно ограничило пріемъ дѣтей изъ Работнаго Дома извѣстной процентной нормой и при матеріальной поддержкѣ города достигло высокой степени развитія, именно какъ профессіональное училище, а не какъ пріютъ для малолѣтнихъ нищихъ. Открытіе спеціальнаго училища, поэтому, отнюдь не разрѣшало вопроса о содержаніи малолѣтнихъ при Работномъ Домѣ. Какъ видно изъ отчета 1885 г., присылаемыхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ Комитетъ попрежнему оставлялъ временно въ Работномъ Домѣ, съ обязательствомъ до передачи ихъ на поруки роднымъ или обществамъ заниматься въ мастерскихъ Долгоруковскаго училища. Такимъ образомъ, рядомъ съ Долгоруковскимъ училищемъ росло другое учрежденіе болѣе спеціальнаго типа, будущее Малолѣтнее Отдѣленіе Работнаго Дома.

Въ 1887 г. уже явилась возможность упорядочить это временное Отдѣленіе. Въ мужской палатѣ деревянной переборкой было выдѣлено помѣщеніе для малолѣтнихъ призрѣваемыхъ, такъ чтобы они были нѣсколько изолированы отъ взрослыхъ, и они были поручены особому надзору смотрителя Работнаго Дома. Туда были поставлены кровати по числу дѣтей; во время обѣда и ужина подростки помѣщались за отдѣльнымъ столомъ, за церковными службами ихъ тоже ставили отдѣльно, вообще наблюдали «за ихъ поведеньемъ и нравственностью», о поступкахъ же, «выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ шалостей», предписывалось докладывать немедленно Комитету. Въ этомъ импровизированномъ Отдѣленіи призрѣвалось первоначально 12 подростковъ, изъ которыхъ 9 чел. было оставлено для обученья грамотѣ и сапожному ремеслу, а трое до окончанія о нихъ переписки. Всѣ вновь поступающіе мальчики должны были направляться въ это отдѣленіе [1].

Съ преобразованіемъ Комитета въ Городское Присутствіе по разбору нищихъ и переходомъ Работнаго Дома въ вѣдѣніе

[1] Дѣло № 30—1887 г.

города, въ 1891 г. это Отдѣленіе стало постепенно развиваться. Первоначально была выдѣлена небольшая группа мальчиковъ— около 15 чел., которые обучались корзино-мебельному мастерству; затѣмъ она достигла числа 30 чел. (въ 1903 г.). Организація Малолѣтняго Отдѣленія долгое время отличалась большой примитивностью. Полной изоляціи отъ взрослаго элемента не существовало и по условіямъ помѣщенія не могло существовать. Воспитательскаго персонала не было; надзоръ осуществлялся мастеромъ. Не было, поэтому, и воспитанія, и мѣры, къ которымъ администрація Дома прибѣгала по отношенію къ буйнымъ и недисциплинированнымъ мальчикамъ, бывали часто очень суровыя, вплоть до заключенія въ темный и холодный карцеръ. Сами воспитанники Отдѣленія представляли полудикую толпу, всегда готовую на безпорядки и бунтъ. Только въ 1904 г., Отдѣленіе было переведено въ особое помѣщеніе, для чего было очищено нѣсколько палатъ въ главномъ зданіи Сокольническаго Отдѣленія Работнаго Дома; въ томъ же году на должность надзирателя при подросткахъ былъ приглашенъ учитель, а въ послѣдующіе годы число учителей-воспитателей постепенно увеличивалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала расширяться учебно-ремесленная часть, и были организованы новыя мастерскія—сапожная и переплетная. Одновременно съ Отдѣленіемъ для подростковъ возникъ при Работномъ Домѣ (въ 1903 г.) Пріютъ, первоначально временный, затѣмъ превратившійся въ стаціонарный, для дѣтей, попадающихъ въ Работный Домъ съ родителями (въ 1903 г. призрѣвалось въ среднемъ 26 чел.). Такимъ образомъ, при Работномъ Домѣ выростало особое учрежденіе, имѣвшее цѣлью призрѣніе задерживаемыхъ за нищенство подростковъ и дѣтей. Численный составъ этого Отдѣленія сильно росъ. Уже въ 1907 г. въ немъ призрѣвалось до 100 подростковъ и около 70 дѣтей дошкольнаго возраста; въ настоящее время въ немъ болѣе 120 подростковъ и до 80 дѣтей. Очень скоро Отдѣленіе утратило свой временный характеръ, такъ какъ въ цѣляхъ достиженія болѣе прочныхъ результатовъ явилась необходимость задерживать въ немъ призрѣваемыхъ на сравнительно длительные сроки.

Такое крупное учрежденіе уже не могло оставаться въ прежнихъ рамкахъ. Съ 1907 года для него создана особая педагогическая организація, а съ настоящаго года оно переводится въ спеціально строящееся для него зданіе на отдѣльномъ участкѣ земли и получаетъ свой отдѣльный бюджетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ типъ Отдѣленія вполнѣ установился: въ него принимаютъ, согласно выработаннымъ правиламъ, «дѣти и подростки, сами занимающіеся нищенствомъ и бродяжничествомъ, или не имѣющіе постояннаго пристанища, а также такіе, родители которыхъ нищенствуютъ и бродяжничаютъ».

Надо замѣтить, что далеко не сразу выяснилась педагогическая физіономія Отдѣленія: еще въ 1908 году Финансовой Комиссіи Городской Думы вся организація представлялась неясной и малообоснованной, и только въ настоящее время можно утвердительно сказать, что Отдѣленіе выработало вполнѣ опредѣленный типъ, избѣгнувъ ассимиляціи съ пріютами для бѣдныхъ дѣтей и профессіональными школами, и окончательно опредѣлился его спеціальный характеръ исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ нищихъ, нѣчто вродѣ англійскихъ ремесленныхъ пріютовъ (Industrial Schools).

Такимъ образомъ, лишь очень недавно создалось въ Москвѣ учрежденіе, пока единственное, которое спеціально ставитъ себѣ задачей борьбу съ нищенствомъ и бродяжничествомъ малолѣтнихъ; зато, можно съ увѣренностью сказать, что мысль о необходимости особыхъ пріютовъ для этого типа безпризорныхъ дѣтей упрочилась. Другой вопросъ, насколько существующая организація достаточна для удовлетворенія потребности.

Эта потребность растетъ съ необыкновенной силой, и тутъ дѣятельность отдѣльныхъ учрежденій, а тѣмъ болѣе Присутствія по разбору нищихъ съ его устарѣлымъ Николаевскимъ кодексомъ до сихъ поръ безсильна. Тѣ явленія, которыя въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ отмѣчалъ не безъ страха Комитетъ о просящихъ милостыню, эти явленія у всѣхъ на глазахъ. Москва выросла въ большой промышленный центръ съ очень сложной, съ очень разнородной внутренней жизнью, и этотъ ростъ имѣетъ свою изнанку, создавая условія, въ которыхъ и профессіональное нищенство, и случайная нищета находятъ благодарную почву для развитія.

Въ связи съ указанными явленіями, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить ростъ числа малолѣтнихъ бродягъ и нищихъ. Нѣкоторыя статистическія данныя тутъ нелишни. Черезъ Присутствіе по разбору нищихъ и администрацію Работнаго Дома проходило задержанныхъ полиціей и приходившихъ добровольно (что касается подростковъ, то это элементы очень близкіе) ежегодно: съ 1897 по 1900 г. отъ 62 до 94 чел., съ 1901 по 1904 г.—142—163 чел.; съ 1905 г. по 1908 г.—229—383 чел.; съ 1909 г. по 1911 г.—съ 269 до 490 чел. За 14 лѣтъ число безпризорныхъ увеличилось minimum втрое. Нѣтъ нужды говорить, что эти цифры лишь очень относительны и далеко не представляютъ всего числа нищенствующихъ и безпризорныхъ дѣтей.

Любопытно отмѣтить, что громадное преобладаніе имѣютъ мальчики: въ 1906 г. на 304 мальчика только 27 дѣвоч., въ 1907 г. на 335 мальч.—48 дѣв., въ 1908 г. на 211 мальч.—99 дѣв., въ 1909 г.—на 384 мальч.—136 дѣвоч., въ 1910 г.—на 249 мальч.—

82 дѣв. и въ 1911 г. на 227 мальч.—42 дѣв., т.-е. въ среднемъ менѣе 26 дѣв. на 100 мальч. Это обстоятельство подтверждается данными городской анкеты: на 164 мальчиковъ, зарегистрированныхъ въ посѣщенныхъ ночлежныхъ домахъ, попалась только 21 дѣвочка. При этомъ надо добавить, что большая часть дѣвочекъ моложе 10 лѣтъ. Въ 1906 г. изъ 27 дѣвочекъ, обратившихся въ Работный Домъ—19 моложе 10 лѣтъ; въ 1907 г. изъ 48—43; 1909 г.—изъ 136—108; въ 1910 г.—изъ 82—74; въ 1911 г.—изъ 42—31. Изъ зарегистрированныхъ анкетою 23 моложе 10 л.—19, и только двѣ—старше 10 лѣтъ. Это значитъ, что самостоятельно дѣвочки нищенствомъ почти не занимаются [1]); ихъ таскаютъ съ собою матери, а по достиженіи извѣстнаго возраста, онѣ ищутъ иного средства заработка. Это явленіе тѣмъ болѣе приходится отмѣтить, что такая разница замѣчалась гораздо слабѣе въ 80-хъ годахъ; въ 1884 г. въ отчетахъ Комитета отмѣчается 31 мальчикъ—14 дѣвочекъ; въ 1886 г.—21 мальч.—23 дѣвоч.; въ 1889 г.—10 мальч.—5 дѣв.; въ 1892 г.—17 мальч.—11 дѣвочекъ. Нѣкоторое преобладаніе малолѣтнихъ дѣвочекъ (до 10 лѣтъ), впрочемъ, замѣчается уже тогда.

Главнымъ мѣстомъ жительства этой бездомной дѣтворы являются ночлежки и чайныя. По словамъ санитарнаго врача В. Ф. Горбачева, «по ночлежнымъ квартирамъ Хитрова рынка проживаетъ, не считая дѣтей квартирохозяевъ, человѣкъ 60—70 въ возрастѣ до 15 лѣтъ; среди нихъ безпризорныхъ, въ прямомъ смыслѣ, т.-е. круглыхъ сиротъ и не имѣющихъ взрослыхъ родственниковъ, около $^1/_3$, т.-е. человѣкъ 20. Приблизительно столько же насчитывается дѣтей, хотя и имѣющихъ родителей, но не получающихъ отъ нихъ никакой поддержки и живущихъ съ ними врозь; такія дѣти по полной справедливости должны быть также причислены къ безпризорнымъ. Послѣдняя треть живетъ здѣсь съ родителями (или только съ отцомъ или матерью), но и эти часто не въ лучшихъ условіяхъ, если не въ худшихъ» [2]). По обслѣдованію, произведенному тѣмъ же д-ромъ Горбачевымъ въ 1910 г. [3]) и коснувшемуся 77% всего населенія Хитрова рынка (4.754 ночлежниковъ), было отмѣчено дѣтей въ возрастѣ до 5 лѣтъ—29 чел., 5—10 лѣтъ—22 и отъ 10 до 15—13 чел., всего 64 чел., или 1,3%.

Такимъ образомъ, данныя, собранныя д-ромъ Горбачевымъ,

---

[1]) Данныя о 41 безпризорной дѣвочкѣ, собранныя какъ въ ночлежныхъ домахъ, такъ и въ Работномъ Домѣ (за 1911 и 1912 гг.)—слѣдующія: живутъ при родителяхъ 32 (78%), нищенствуютъ самостоятельно 5, бросила мать 1, неизвѣстно 3. Изъ 194 мальчиковъ только 28 отмѣчены живущими или жившими до поступленія на призрѣніе съ родными (менѣе 14,5%).

[2]) См. Докладную Записку д-ра Горбачева въ Гор. Управу 1912 г.

[3]) См. Врачебно-Санитарную Хронику Моск. Гор. Управленія 1910 г.

позволяютъ опредѣлить дѣтское населеніе Хитровки приблизительно въ 70 человѣкъ. Другія обслѣдованія даютъ нѣсколько болѣе высокую цифру. Комиссія Мясницкаго попечительства о бѣдныхъ 2 и 3 уч. въ 1897 году произвела обслѣдованіе только трехъ ночлежныхъ домовъ—Кулакова, Буниной и Румянцева и зарегистрировала 116 дѣтей до 15-лѣтняго возраста, при чемъ, по мнѣнію лицъ, производившихъ обходъ, это число далеко не охватываетъ всѣхъ малолѣтнихъ, живущихъ на Хитровомъ рынкѣ, и одинъ изъ сотрудниковъ попечительства насчиталъ ихъ во всѣхъ ночлежкахъ болѣе 200 человѣкъ; въ дѣйствительности, многіе скрываются при обходѣ, или ихъ прячутъ взрослые. Такая разница съ данными, приведенными выше, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что сотрудники Мясницкаго попечительства принимали въ разсчетъ дѣтей квартирохозяевъ, а обслѣдованіе д-ра Горбачева совершенно правильно касается лишь ночлежниковъ. Далѣе, многое зависитъ отъ времени производства обслѣдованія. Лѣтомъ абсолютное число малолѣтнихъ въ ночлежкахъ падаетъ, такъ какъ они бродяжатъ по окрестностямъ Москвы; наоборотъ, передъ большими праздниками—Рождествомъ, Пасхой отмѣчается большой наплывъ малолѣтнихъ нищихъ.

Въ дополненіе къ сказанному можно сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ ночлежныхъ домахъ. Городская анкета 1911 г. зарегистрировала въ Кулаковскомъ домѣ—43 мальчика и 17 дѣвочекъ, въ Морозовскомъ домѣ—20 чел. (22 по свѣдѣніямъ за 1912 г.), въ домѣ Орлова—1 мальчика и 1 дѣвочку, въ домѣ Рузской—1 дѣв., въ домѣ Румянцева—3 мальч. и 2 дѣв., въ ночлежномъ домѣ для малолѣтнихъ, въ 7 Ростовскомъ пер.—41 мальчика, въ Ермаковскомъ ночлежномъ домѣ—15 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ. Въ Брестскомъ ночлежномъ домѣ ночуетъ ежедневно 10—12 человѣкъ дѣтей [1]). Перечисленными ночлежками далеко не исчерпываются тѣ притоны, гдѣ ночуютъ малолѣтніе бродяги; для примѣра можно привести домъ Бѣлова близъ Смоленскаго рынка, ночлежныя квартиры въ Проточномъ пер. (бывшая Аржановская крѣпость). Совершенно не поддаются учету ночныя чайныя, разбросанныя по темнымъ окраинамъ города.

---

[1]) Благодаря любезности Благотворительнаго Отдѣленія Городской Управы, авторъ могъ воспользоваться данными анкеты, производившейся въ 1911 году и касавшейся какъ нѣкоторыхъ ночлежекъ, такъ и призрѣваемыхъ въ Работномъ Домѣ. Во время составленія настоящаго очерка данныя анкеты еще не были вполнѣ разработаны: такъ еще не были доставлены свѣдѣнія о Брестскомъ ночлежномъ домѣ; не воспользовался также авторъ дополнительнымъ обслѣдованіемъ ночлежекъ Хитрова рынка. Тѣмъ не менѣе, матеріалъ, который былъ почерпнутъ изъ анкеты, оказался очень обширнымъ и интереснымъ, и цифровыя данныя, которыя онъ представляетъ, являются относительно точными.

По возрасту малолѣтнее населеніе ночлежекъ дѣлится слѣдующимъ образомъ: изъ 123 мальчиковъ въ возрастѣ до 10 лѣтъ отмѣчено только 6 [1]), а изъ 23 дѣвочекъ таковыхъ 19.

Малолѣтнее населеніе ночлежекъ отличается извѣстной подвижностью. Однако, для большинства Хитровка является мѣстомъ прочной осѣдлости. Нѣкоторые, какъ увидимъ ниже, родились тутъ; другіе живутъ годами, многіе, наконецъ, съ перерывами, но часто и надолго попадаютъ сюда. Изъ 164 опрошенныхъ дѣтей жили на Хитровомъ рынкѣ [2]):

болѣе года	60 челов.
отъ $1/2$ года до 1 года	22 »
» 3 м. до 6 м.	21 »

Но надо отмѣтить также значительную группу случайныхъ посѣтителей Хитровки:

такъ меньше недѣли жили	15 мальчиковъ.
и отъ недѣли до 1 мѣсяца	30 »

Какъ исключеніе, встрѣчаются малолѣтніе, которые имѣютъ внѣ Хитрова рынка родныхъ и не порываютъ съ ними связи, иногда даже ночуютъ у нихъ, но это бываетъ не всегда удобно, и, чтобы не обременять ихъ, такой мальчикъ идетъ въ ночлежку.

Выяснить причины, какія толкаютъ дѣтей на улицу и въ ночлежки, представляется очень труднымъ. Эти причины очень сложны и, въ сущности, совершенно не изучены; говорить объ нихъ поэтому точно и опредѣленно—нельзя. Можно лишь указать тѣ бытовыя условія, которыя создаютъ почву для дѣтской безпризорности, и въ этомъ отношеніи нѣкоторый матеріалъ даютъ какъ свѣдѣнія, собранныя анкетой, такъ и данныя о прежней жизни воспитанниковъ Малолѣтняго Отдѣленія Работнаго Дома и Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта. Обращаясь къ этому матеріалу, можно сдѣлать нѣкоторыя наблюденія, хотя осторожность требуетъ необобщать выводовъ [3]).

---

[1]) Если считать съ дѣтьми, обслѣдованными при пріемѣ въ Работный Домъ, то изъ 194 мальчиковъ—23 моложе 10 л., изъ 36 дѣвочекъ—29 моложе 10 л.

[2]) Въ это число вошли какъ дѣти и подростки, опрошенные въ ночлежныхъ домахъ, такъ и часть призрѣваемыхъ Работнаго Дома (согласно показаніямъ, даннымъ ими при поступленіи).

[3]) Анкета даетъ слѣдующія данныя о 154 мальчикахъ, въ возрастѣ старше 10 лѣтъ:

Попали на Хитровку:

по причинѣ потери мѣста	56 чел.
за ненахожденіемъ мѣста въ Москвѣ (тотчасъ по пріѣздѣ)	14 »
вслѣдствіе смерти родителей	2 »
родители прогнали	8 »

Извѣстное число нищенствующихъ дѣтей, несомнѣнно, съ самаго ранняго дѣтства находится на Хитровкѣ, нѣкоторыя даже родились тамъ; среди дѣвочекъ, зарегистрированныхъ въ домѣ Кулакова, двумъ немногимъ болѣе года. Д-ръ Горбачевъ приводитъ примѣръ одного 11-лѣтняго мальчика, который родился на Хитровкѣ и прожилъ тамъ всю свою жизнь. Его нашла въ тряпкахъ подъ нарами хозяйка и взяла на воспитаніе: онъ ходилъ «стрѣлять» и все, что получалъ, отдавалъ своей «кормилицѣ», которая била его, если онъ приносилъ мало. Такихъ случаевъ, впрочемъ, немного.

Далѣе, приходится отмѣтить группу малолѣтнихъ нищихъ, которые на Хитровку попали вмѣстѣ съ родителями. Въ запискѣ д-ра Сегаль [1]), завѣдующаго Городскимъ Ермаковскимъ домомъ, приведены яркія данныя, обрисовывающія участь такихъ дѣтей. Можетъ быть, особенно характерны свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ: «мальчикъ лѣтъ 8—9, малорослый, блѣдный и худой; съ семи часовъ утра, когда ночлежный домъ освобождается отъ ночующихъ, онъ лѣтомъ проводитъ все время на панели у воротъ дома, а зимой трется возлѣ служителей Дома, убирающихъ спальни, стараясь не попадаться на глаза администраціи, не замѣчающей его; ночуетъ онъ въ Домѣ съ отцомъ на одной койкѣ— отецъ съ 7 часовъ утра уходитъ на поденныя работы и возвращается часовъ въ 6—7 вечера, очень часто сильно выпивши; чѣмъ питается мальчикъ до 7 часовъ вечера, опредѣлить я не въ

родители или родственники бросили	2 »
бѣжали отъ дурного обращенія въ семьѣ	5 »
съ дѣтства на Хитровкѣ	2 »
мать эксплоатируетъ	1 »
проигралъ одежду, раздѣли на Хитровкѣ	2 »
случайно	3 »
по другимъ причинамъ	3 »
причины неизвѣстны	56 »
	154 чел.

Свѣдѣнія о поступившихъ въ Работный Домъ въ теченіе 1912 года слѣдующія:

вслѣдствіе потери мѣста	10 чел.
» ненахожденія мѣста	1 »
смерть родителей	1 »
мать бросила	1 »
семейный разладъ	2 »
эксплоатація родителей	5 »
семья живетъ на Хитровкѣ	2 »
начали бродяжить съ родителями	2 »
неизвѣстно	8 »
	32 чел.

[1]) Докладная записка въ Городскую Управу 1912 года.

состоянiи». Проводя жизнь безъ призора въ обстановкѣ ночлежекъ и Хитровки, эти дѣти, естественно, дѣлаются бродягами. По большей части, родители ихъ живутъ нищенствомъ и берутъ съ собой дѣтей въ разсчетѣ вызвать жалость въ «благодѣтеляхъ». Какъ видно изъ таблицы, приводимой ниже въ примѣчанiи, анкета зарегистрировала 28 случаевъ, когда мальчики, жившiе въ ночлежкахъ, нищенствовали не самостоятельно, а съ родными. По возрасту эти мальчики распредѣляются такъ: 17—моложе 10 лѣтъ, 10—10 лѣтъ и только 1—старше 10 лѣтъ. Эти цифры для насъ любопытны; онѣ показываютъ, что мальчики, эксплоатируемые съ дѣтства родителями, постепенно отбиваются отъ нихъ и лѣтъ съ 10 начинаютъ самостоятельно нищенствовать. Прочiя свѣдѣнiя подтверждаютъ сдѣланное наблюденiе; лишь въ рѣдкихъ исключенiяхъ попадается указанiе на мальчиковъ лѣтъ 11—13, побирающихся въ пользу родителей, и то это преимущественно калѣки. Наоборотъ, есть рядъ указанiй, когда они начинаютъ работать самостоятельно очень рано, даже съ 6 и съ 7 лѣтъ; поворотнымъ моментомъ въ эмансипацiи отъ родныхъ является, какъ указано выше, десятилѣтнiй возрастъ [1]).

Особенное вниманiе заслуживаютъ дѣвочки. Онѣ почти всѣ находятся при родителяхъ. Изъ данныхъ о 37 безпризорныхъ дѣвочкахъ, собранныхъ какъ въ ночлежкахъ, такъ и въ Работномъ Домѣ, видно, что 28 жили въ ночлежкахъ при родителяхъ, а самостоятельно нищенствовали только 5, одна бросила мать и о трехъ неизвѣстно. При этомъ живутъ и нищенствуютъ вмѣстѣ съ родителями нерѣдко большiя дѣвочки, лѣтъ 10—12. Такимъ образомъ, дѣвочки нищенствуютъ самостоятельно рѣдко; это объясняется тѣмъ, что, подрастая, онѣ попадаютъ въ число проститутокъ[2]).

Изъ таблицы видно, что среди малолѣтнихъ обитателей ночлежныхъ домовъ дѣти, нищенствующiя съ родителями, представляютъ довольно значительную группу (57 изъ 231, или около четверти), однако, далеко не подавляющую своей численностью группу (56 изъ 231, или около четверти). Мальчиковъ, нищенствующихъ съ родными, сравнительно съ общей массой чрезвычайно мало: 28 изъ 194, или немногимъ болѣе 14%[3]), между тѣмъ какъ дѣвочки, живущiя съ родителями, составляютъ 78%.

---

[1]) Изъ 16 десятилѣтнихъ—5 нищенствовали самостоятельно и 1 торговалъ газетами.

[2]) Приведенныя свѣдѣнiя касаются какъ дѣвочекъ, зарегистрированныхъ въ ночлежныхъ домахъ—21 чел., такъ и дѣвочекъ, попавшихъ съ матерями или иначе въ Работный Домъ—16 чел.

[3]) Въ разсчетъ приняты какъ мальчики, опрошенные въ ночлежныхъ домахъ, такъ и клiенты Работнаго Дома. Въ ночлежкахъ отмѣчено было живущими при родителяхъ въ моментъ анкеты 17 изъ 123, что даетъ приблизительно тотъ же процентъ (14,7%).

Однако, надо имѣть въ виду, что ночлежные дома, откуда преимущественно заимствованы свѣдѣнія, далеко не даютъ исчерпывающій матеріалъ по данному вопросу, такъ какъ родители, эксплоатирующіе дѣтей, далеко не всегда живутъ въ ночлежкахъ; это очень часто жители коечно-каморочныхъ квартиръ. Иногда отецъ кое-что зарабатываетъ, а мать нищенствуетъ съ дѣтьми. Еще чаще мать, оставшись вдовой, работаетъ, а дѣтей посылаетъ побиратьѣся; ихъ выручка является въ такомъ случаѣ серьезнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, своего рода подсобнымъ заработкомъ семьи: мать, напримѣръ, служитъ въ кухаркахъ, а сынъ, мальчикъ лѣтъ 8—11, нищенствуетъ и что соберетъ приноситъ ей. Дѣло не всегда ограничивается милостыней, иные не только побираются, но и кое-что воруютъ (дрова, угли) и выручку несутъ матери.

Эксплоатація дѣтей въ цѣляхъ нищенствованія получаетъ въ Москвѣ такое широкое распространеніе, главнымъ образомъ, потому, что спекуляція на жалость прохожихъ къ дѣтямъ обыкновенно бываетъ очень вѣрна, и женщина, побирающаяся съ дѣтьми, собираетъ гораздо больше, чѣмъ безъ нихъ. Одинъ мальчикъ, сынъ нищенки, призрѣваемый въ Работномъ Домѣ, разсказывалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ его маленькую сестру помѣстили въ пріютъ, родителямъ стало плохо жить, матери не подаютъ, «а при сестрѣ каждый день бывало мясо за обѣдомъ»

Изъ этихъ дѣтей, съ малыхъ лѣтъ пріученныхъ къ бродяжничеству и выпрашиванію милостыни, пополняется въ извѣстной мѣрѣ масса бездомныхъ подростковъ; они, какъ указано выше, подрастая, отбиваются отъ родныхъ и уже начинаютъ бродяжить самостоятельно.

Къ числу дѣтей, которыхъ соціальная обстановка сдѣлала бродягами, слѣдуетъ отнести и очень любопытную группу нищихъ—подростковъ, являющихся въ Москву изъ деревень и провинціальныхъ городовъ спеціально для нищенствованія. Такихъ случаевъ отмѣчено 7. Въ Москву пробираются изъ дальнихъ губерній въ одиночку, или компаніями, человѣка три, — пѣшкомъ или по желѣзной дорогѣ зайцами. Нѣкоторые поселяются окончательно въ Москвѣ, другіе являются сюда только на побывку, къ праздникамъ, когда выручка болѣе значительна. Это обыкновенно подростки, уже спеціализировавшіеся на нищенствѣ въ деревнѣ, привыкшіе бродить за милостынею по уѣзднымъ городамъ, селамъ и весямъ. Иные, прежде чѣмъ попасть въ Москву, совершаютъ обширныя странствованія: такъ, одинъ мальчикъ, лѣтъ 15, съ 9-лѣтняго возраста начавшій нищенствовать, объѣздилъ Смоленскъ, Вязьму, Гжатскъ, Можайскъ и такъ добрался до Москвы. Въ значительной степени этому явленію спо-

собствуетъ организація мірской благотворительности въ деревняхъ. Старики и дѣти, оставшіеся безъ средствъ къ пропитанію, пользуются извѣстнымъ правомъ на помощь не только односельчанъ, но и сосѣднихъ деревень. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда нищій является въ село, староста помѣщаетъ его въ очередную избу; переночевавъ тамъ, онъ на слѣдующій день продолжаетъ путь въ слѣдующую деревню. Подача милостыни, вообще, почти обязательна; въ этомъ выражается своеобразная форма мірского призрѣнія неимущихъ. Для вдовы съ дѣтьми, для малолѣтнихъ сиротъ нищенство является, поэтому, не только единственнымъ, но и вполнѣ законнымъ средствомъ существованія. Но въ деревнѣ «мало подаютъ», по разсказамъ мальчиковъ, и они идутъ въ Москву,—иные съ тайной мыслью устроиться въ московскихъ пріютахъ, другіе, наслышавшись отъ товарищей-нищенокъ про богатство столицы. Среди этой деревенской дѣтворы, попадающей въ Москву спеціально для нищенствованія, обращаютъ на себя вниманіе малолѣтніе поводыри слѣпыхъ, какъ «настоящихъ», такъ и притворяющихся. По разсказу одного изъ такихъ поводырей, онъ, оставшись сиротой, «по постановленію сельскаго схода», былъ опредѣленъ въ поводыри къ слѣпцамъ, которые обязаны были за то его кормить и одѣвать. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, это является тоже примитивной формой оказанія помощи малолѣтнимъ. Яркимъ примѣромъ маленькаго поводыря можетъ служить одинъ изъ питомцевъ Работнаго Дома: брошенный на произволъ судьбы матерью, а затѣмъ выгнанный дядей изъ дома, онъ лѣтъ съ 6 странствовалъ по деревнямъ, нищенствовалъ, попалъ въ поводыри къ «настоящему слѣпому», съ нимъ пробрался въ Москву; здѣсь слѣпой его бросилъ, но онъ пристроился къ другому, уже не настоящему, и вмѣстѣ съ нимъ былъ забранъ полиціей.

Среди дѣтей, идущихъ въ городъ нищенствовать, встрѣчаются различные типы: есть закоренѣлые и опытные профессіоналы, которые стремятся въ Москву на вѣрный заработокъ[1]), есть жалкіе, наивные «сиротинки», которые направляются въ Москву

[1]) Къ такого рода типу относятся особенно нищіе—подростки, перекочевывающіе въ Москву изъ провинціальныхъ городовъ. Можетъ быть, наиболѣе яркій примѣръ слѣдующій: мальчикъ съ дѣтства жилъ въ Твери, четырехъ лѣтъ потерялъ мать; отецъ запьянствовалъ и заставлялъ его нищенствовать; семи лѣтъ онъ зайцемъ пробрался въ Москву, гдѣ ночевалъ по самымъ худшимъ ночлежкамъ; черезъ годъ его отправили по этапу въ Тверь, но на слѣдующій же день онъ бѣжалъ оттуда снова въ Москву, въ знакомыя убѣжища Хитровки; черезъ 2 года его опять возвратили на родину и онъ опять бѣжалъ въ Москву, гдѣ продолжалъ нищенствовать, безпрестанно попадая въ участокъ и отсиживая тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; 13 лѣтъ онъ былъ принятъ въ Работный Домъ.

понаслышкѣ и, попавъ сюда, дивятся, что «дома здѣсь большіе, а ночевать никуда не пускаютъ», но причина, которая гонитъ тѣхъ и другихъ въ городъ одна и та же—тяжелыя семейныя условія въ деревнѣ и отсутствіе на мѣстахъ какой-либо разумной организаціи общественнаго призрѣнія.

Чаще всего мы встрѣчаемъ другое явленіе, когда начало нищенства находится въ связи съ неудачей въ нахожденіи себѣ иного заработка.

Данныя о составѣ малолѣтнихъ ночлежниковъ и, отчасти, призрѣваемыхъ въ Работномъ Домѣ и заключенныхъ въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи тюрьмы показываютъ, что только половина этихъ дѣтей—московскіе уроженцы, и что изъ 251 мальчика 150, или 60%, принадлежатъ къ пришлому элементу (цифры, касающіяся дѣвочекъ, не представляютъ такого интереса).

Эту массу дѣтворы въ Москву гонитъ отсутствіе средствъ къ существованію и заработка въ деревнѣ. Дѣйствительно, изъ 137—95 пріѣхало въ Москву въ ученье или на мѣсто (при чемъ эти два понятія довольно близки, такъ какъ въ ученьѣ мальчикъ получаетъ обычно содержаніе отъ хозяина, а на мѣстахъ служитъ за харчи и одежду), 2—проѣздомъ на заработки, 7—съ цѣлью нищенствовать и 1—съ цѣлью поступить въ пріютъ. Такимъ образомъ, относительно почти трехъ четвертей (71%) поиски заработка являются причиной, толкающей подростковъ въ Москву.

Обращаясь къ вопросу о возрастѣ, въ которомъ пріѣзжаютъ на заработокъ, то изъ 92 отвѣтовъ наибольшее число падаетъ на возрастъ 10 и 11 лѣтъ—35 человѣкъ и 12—13 лѣтъ—27 человѣкъ; самый ранній возрастъ—7 лѣтъ, всего до 10 лѣтъ только 8 человѣкъ; въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ включительно 22 [1]). Такимъ образомъ, подростки лѣтъ 10—13 наводняютъ Москву въ поискахъ мѣста; ѣдутъ они часто одни, безъ всякихъ представленій о томъ, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, снабженные дома фантастическими адресами разныхъ крестныхъ, земляковъ, родственниковъ и благодѣтелей или напутствуемые неопредѣленнымъ порученіемъ отыскать себѣ мѣсто. Они часто съ перваго же дня затериваются въ городѣ и попадаютъ въ участокъ или въ ночлежку. Примѣровъ этому анкета даетъ очень много; а, разъ попавъ въ ночлежку и начавъ жить милостынею, они уже втягиваются въ такую жизнь.

На ряду съ пріѣхавшими на заработокъ и сразу попавшими

---

[1]) 7 л.— 1. 12 л.—15.
8 л.— 3. 13 л.—12.
9 л.— 4. 14 л.— 8.
10 л.—19. 15 л.—11.
11 л.—16. 16 л.— 3.

на «дно», другихъ мальчиковъ толкаютъ туда другія неудачи на томъ же поприщѣ. Большая часть, и при томъ значительно большая, малолѣтнихъ ночлежниковъ—это мальчики, не ужившіеся на мѣстахъ и въ ученьѣ.

Съ одной стороны, мальчики сами уходятъ или убѣгаютъ отъ хозяевъ, будь то отъ побоевъ [1]) или отъ тяжелыхъ условій труда, или, наконецъ, по лѣни и по влеченію къ вольной жизни. Съ другой—много случаевъ отказа отъ мѣста, иногда по причинѣ, не зависящей отъ мальчика—вслѣдствіе болѣзни, сокращенія штатовъ, прекращенія торговли, иногда вслѣдствіе придирчивости хозяина—разбилъ чайникъ, принялъ отъ покупателя фальшивый рубль, потерялъ пятачекъ и т. п., иногда вслѣдствіе испорченности самого малолѣтняго служащаго—за ругань, за пьянство, за мелкія кражи чаще всего просто потому, что показался неподходящимъ. По какой бы причинѣ мальчикъ ни терялъ мѣсто, онъ послѣ этого уже не идетъ къ роднымъ изъ страха и изъ стыда, часто родные сами отъ него отказываются и ему остается лишь милостыня и ночлежка.

Подводя итоги, видно, что неумѣнье или невозможность подростковъ устроиться на мѣстахъ является одной изъ главнѣйшихъ причинъ развитія нищенства среди малолѣтнихъ. Дѣйствительно, изъ 98 мальчиковъ старше 10 лѣтъ, сумѣвшихъ объяснить, почему они попали на Хитровку, 14 попали сюда тотчасъ по пріѣздѣ за ненахожденіемъ мѣста и 56—по причинѣ потери мѣста, иначе говоря, 71%.

Другимъ условіемъ, которое способствуетъ развитію бродяжничества малолѣтнихъ, является, несомнѣнно, семейный распадъ въ домѣ, гдѣ растетъ мальчикъ. Ссоры между родителями отражаются гибельно на дѣтяхъ. Появленіе въ домѣ любовницы или любовника, мачехи или вотчима часто выкидываетъ на улицу дѣтей. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ даютъ случаи, которые наблюдались въ Рукавишниковскомъ пріютѣ; при этомъ нерѣдко дѣло идетъ о вполнѣ обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи семьяхъ.

Нельзя, наконецъ, отрицать, что жажда недозволенныхъ удовольствій тоже толкаетъ малолѣтнихъ на улицу. Сначала синематографы, дешевые театры, гостинцы и сласти, папиросы,

---

[1]) О жестокомъ обращеніи съ учениками въ мастерскихъ есть много точныхъ указаній: такъ, одинъ воспитанникъ Работнаго Дома, 14-лѣтній мальчикъ, работавшій у картузника, захворалъ отъ побоевъ, благодаря чему попалъ въ больницу, а оттуда былъ принятъ на призрѣніе въ Работный Домъ. Одинъ изъ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта, очень смирный мальчикъ, приговоренъ за то, что убилъ подмастерья, издѣвавшагося надъ нимъ (онъ сажалъ ему таракановъ за пазуху, зная, что мальчикъ ихъ боится).

желаніе во что-бы то ни стало достать предметъ удовольствія, въ родѣ какой-нибудь гармоніи, позднѣе—вино, приводятъ къ мелкимъ кражамъ, а затѣмъ, къ необходимости бѣжать изъ дома.

Указанными явленіями далеко не исчерпываются условія, которыя способствуютъ развитію дѣтскаго бродяжничества. Это лишь наиболѣе яркіе и часто встрѣчающіеся примѣры.

Попавши на улицу, подростки (я говорю о мальчикахъ) ищутъ себѣ средствъ къ существованію, главнымъ образомъ, нищенствомъ. Изъ 119 мальчиковъ старше 10 лѣтъ, родъ занятій которыхъ удалось выяснить, 98 нищенствовали[1]).

Судя по словамъ самихъ опрошенныхъ, къ которымъ, однако, приходится относиться съ осторожностью, доходъ отъ «стрѣлянья» колеблется обыкновенно между 15—40 коп. въ день, но менѣе удачные собираютъ и по 5—10 коп.; наоборотъ, болѣе счастливые и дѣвочки получаютъ 40—60 и даже 70 коп. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ дневная выручка достигаетъ 1 рубля и даже двухъ, по крайней мѣрѣ, на такихъ ходовыхъ мѣстахъ, какъ Лубянская площадь или за городомъ, близъ «Яра». Очень доходнымъ является выпрашиванье милостыни посредствомъ сфабрикованныхъ писемъ. Спеціалисты по этой части (года два тому назадъ одинъ такой спеціалистъ жилъ въ Ермаковскомъ ночлежномъ домѣ) зарабатываютъ иной разъ до 4 р. въ день. Свое искусство они развиваютъ до послѣдней степени. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ автобіографіи одного изъ нихъ. «Документы, по какимъ ходилъ», пишетъ онъ, «дѣлаются у насъ такъ: вмѣсто печати ставится гербовая марка или же просто печать сводится. Сводится она такимъ образомъ: берется настоящая печать, которая приложена на метрикахъ, или же на какомъ-нибудь вообще церковномъ или боль-

[1]) По занятіямъ опрошенные мальчики распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Нищенствуютъ самостоятельно.	Нищенствуютъ съ родными.	Торгуютъ газетами и т. п.	Поютъ и т. п.	Занимаются поденной работой.	Родные помогаютъ.	Другія занятія (кражи и т. п.).	Неизвѣстно.	Всего.
Моложе 10 лѣтъ.	1	17	1	—	—	2	—	1	22
10 лѣтъ	5	10	1	—	—	—	—	—	16
Старше 10 лѣтъ.	98	1	7	3	4	3	4	36	156
Всего .	104	28	9	3	4	5	4	37	194

ничномъ листѣ, мочится водою и переводится на чистый листъ бумаги, на бумагѣ пишется: *Копія. Свидѣтельство.* Дано сіе дворянкѣ Варварѣ Николаевнѣ Карповой въ томъ, что она крайне бѣднаго состоянія и не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію и, будучи неспособна къ труду, заслуживаетъ помощи добрыхъ людей, при ней находится четверо малолѣтнихъ дѣтей. Сентября 11-го дня 1910 года. Священникъ Московской Козьмодемьянской, въ Садовникахъ, церкви Іоаннъ Стружевъ». (церковная печать). Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: «Если отъ какого-нибудь доктора надо карточку или удостовѣреніе— заказываешь въ типографіи 100 карточекъ за 1 рубль, идешь на Хиву или даже пишешь самъ: Предъявительница сей карточки вдова купца С. М. Смирнова сама больна и къ труду совершенно неспособна, имѣетъ при себѣ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, что и удостовѣряю. Докторъ С. Каракъ» (написано неразборчиво). Можетъ быть, самой любопытной формой вымогательства является выпрашиваніе «на картину»: «Идешь въ магазинъ Селина, къ Иверскимъ воротамъ, покупаешь картину за 3 рубля. Сядешь въ трактирѣ, попросишь чернилъ и напишешь письма 3 или 4 слѣдующаго содержанія: М. Г. Удѣлите нѣсколько минутъ Вашего вниманія для прочтенія этого письма и извините за безпокойство, мною Вамъ причиняемое. Окончивъ курсъ въ школѣ живописи, ваянія, я дальнѣйшаго образованія продолжать не могла за неимѣніемъ матеріальныхъ средствъ. Послѣ покойныхъ родителей насъ осталось: я, братъ 9 лѣтъ и старушка-бабушка, уже лишенная зрѣнія. Чтобы поддержать свое существованіе, я занялась писаніемъ картинъ, одну, уже оконченную, предлагаю Вамъ, матеріалъ самой мнѣ стоитъ около 5 рублей, за трудъ же мой—какъ оцѣнитъ Ваше доброе сердце. Если же почему-либо не нужна или не нравится Вамъ картина моя, то я, въ силу крайности, рѣшаюсь просить у Васъ возможной помощи и будьте настолько великодушны—не откажитесь помочь, за что буду я, братъ и мать искренно признательны и благодарны. Съ уваженіемъ Любовь Ознобишина. Вашъ отвѣтъ передайте мальчику».

Авторъ этого своеобразнаго руководства въ числѣ лицъ, которыхъ онъ обманывалъ, называетъ лицъ высокопоставленныхъ въ Москвѣ.

На ряду съ нищенствомъ, во всѣхъ его формахъ, есть еще нѣкоторыя профессіи, которыя очень близки по существу къ профессіональному «стрѣлянью». Это, во-первыхъ, мелкая торговля, особенно развившаяся за послѣднее время торговля газетой-Копѣйкой, книжками, открытками [1]), шнурками, лѣтомъ цвѣ-

[1]) Въ Кулаковскомъ домѣ зарегистрировано 3 мальчика, торгующихъ книжками, и 1—открытками.

тами на площадяхъ. Не имѣя разрѣшенія на торговлю, пребывая подъ постояннымъ рискомъ конфискаціи своего товара, то и дѣло попадая въ участокъ [1]), эти маленькіе оборванные торговцы и торгуютъ, и нищенствуютъ, и воруютъ по мелочамъ. Обычный заработокъ торговцевъ газетъ отъ 30 до 50 коп. въ день, нѣкоторые зарабатываютъ даже до рубля, лишнія деньги проигрываются въ карты на Хитровкѣ.

Далѣе идутъ «пѣсенники», кларнетисты и т. п. Пѣніе фабричныхъ пѣсенъ, сопровождаемое иногда пляской въ трактирахъ, въ поѣздахъ и т. д., за послѣднее время дѣлается обычнымъ занятіемъ для спеціалистовъ; поющіе въ пригородныхъ поѣздахъ изо-дня въ день получаютъ хорошій заработокъ. Одинъ такой пѣсенникъ самъ повѣствуетъ, какъ на вокзалѣ онъ познакомился съ какимъ-то мальчикомъ, «и онъ позвалъ меня пѣсни пѣть по вагонамъ, пошли мы пѣсни пѣть, и мы заработали 1 р. 13 к. на одномъ поѣздѣ. Мнѣ понравилось, и я сталъ пѣсни пѣть по вагонамъ, и я ночевалъ на станціи «Быково» Моск.-Каз.-Ряз. желѣзной дороги, и я ѣздилъ до Рязани, до Воскресенска и въ Коломну, и я пѣлъ: «Наверхъ, вы товарищи, всѣ по мѣстамъ и т. д.».

Наконецъ, надо упомянуть различныя мелкія развлеченія трактирной публики: одинъ мальчикъ, лѣтъ 8, ходилъ съ лото; другого взрослые изъ состраданія научили простенькимъ фокусамъ, которыми онъ снискивалъ себѣ пропитаніе.

Только въ видѣ исключенія можно указать отдѣльныхъ мальчиковъ, живущихъ въ ночлежкахъ, которые зарабатываютъ себѣ жизнь трудомъ и ходятъ на поденную работу.

Что касается наиболѣе соблазнительнаго средства достать деньги, то тутъ точныхъ данныхъ, конечно, быть не можетъ. Можно только указать, что кліентура Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта въ значительной мѣрѣ пополняется изъ среды малолѣтнихъ жителей ночлежекъ; многіе изъ нихъ тамъ выросли. Обычно мелкія кражи для юныхъ ночлежниковъ являются пособнымъ заработкомъ—такова, напримѣръ, кража дровъ, угля, кокса на станціяхъ и перепродажа ихъ въ бани. Въ ночлежномъ пріютѣ, въ 7-мъ Ростовскомъ пер., два года тому назадъ существовала шайка подростковъ, которые спеціализировались на воровствѣ ковриковъ и галошъ изъ парадныхъ. Нѣкоторые изъ

---

[1]) Типъ маленькаго торговца обрисованъ д-ромъ Горбачевымъ. К. О., 13 л., д. Румянцева, 54. 3 года тому назадъ былъ брошенъ мачехой на Хитровомъ рынкѣ. Мастерства не знаетъ никакого, торгуетъ газетами, выручаетъ 30—40 коп. Пребываетъ подъ постояннымъ рискомъ конфискаціи товара, такъ какъ разрѣшенія не имѣетъ. Одѣтъ въ рваное пальто. Желаетъ пристроиться къ постоянному дѣлу. Видъ болѣзненный.

маленькихъ бродягъ, попавшихъ въ Рукавишниковскій пріютъ изъ ночлежекъ, считали совершенныя ими мелкія кражи десятками; бывали за нихъ жестоко биты и часто сидѣли за нихъ въ участкѣ. На ряду съ мелкими воришками, попадаются опытные спеціалисты-карманники и форточники. Такихъ цѣнятъ даже взрослые воры. Въ практикѣ Рукавишниковскаго пріюта извѣстенъ случай, когда подростокъ содержалъ, совмѣстно съ одной женщиной, воровскую квартиру, куда заманивали посѣтителей, чтобы обкрадывать ихъ въ пьяномъ видѣ.

Всѣ эти средства такъ или иначе даютъ возможность существовать, хотя очень скудно, «впроголодь», какъ пишутъ отчеты Мясницкаго и Хитровскаго попечительствъ о дѣтяхъ-хитрованцахъ. Многіе изъ нихъ обѣдаютъ не каждый день, побираясь по булочнымъ, или пользуясь благотворительными, безплатными обѣдами. Обычно же главное питаніе составляютъ дешевое, недоброкачественное мясо, продающееся въ хитровскихъ харчевняхъ подъ названіемъ «душенки», «бульонки» и т. п., дешевая колбаса, словомъ—очень малопитательная и нездоровая пища, которая не только не подкрѣпляетъ организма, но растачиваетъ его. Одинъ изъ хитрованцевъ описываетъ въ своей автобіографіи такъ свое времяпрепровожденіе послѣ выгоднаго дня, когда онъ заработалъ пѣньемъ по вагонамъ 97 коп.: «пошелъ на Хитровъ рынокъ, тамъ я пошелъ въ ночную чайную къ Брыкову, попилъ я чайку, пошелъ въ Брыковъ ристоранъ, заказалъ на 2 коп. бульенки, на 3 коп. душенки, на копѣйку хлѣба, на 2 коп. огурцовъ, я наѣлся по горло, пошелъ въ ночлежный домъ Кулакова въ № 587, тамъ я выпилъ на 5 коп. и пошелъ на нары спать за 7 коп. Когда я выспался, и я всталъ, взялъ я чайникъ и пошелъ я въ водогрѣйню, тамъ я заварилъ чаю, пошелъ я на рынокъ, купилъ одинъ бѣлый хлѣбъ за 3 коп. и четверть обрѣзковъ за 3 коп. и на 4 коп. купилъ сыру и пошелъ я въ номеръ, напился, наѣлся». Это неправильное и недостаточное питаніе способствуетъ, можетъ быть, развитію алкоголизма среди подрастающаго населенія ночлежекъ, этому же способствуетъ вся обстановка Хитровки. Многіе начинаютъ пить съ самаго ранняго дѣтства, «какъ себя помнятъ», и очень рано изъ нихъ вырабатываются типичные алкоголики. Одинъ подростокъ, лѣтъ 13, попавшій въ Работный Домъ, по его собственнымъ словамъ, живя на Хитровкѣ, «пилъ водку каждый день, случалось, что въ день выпивалъ по 1 бутылкѣ водки: утромъ купитъ бутылку, выпьетъ двѣ рюмки, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время выпьетъ еще рюмку и т. д., утромъ купитъ бутылку, а къ вечеру всю выпьетъ». Пьяный онъ ходилъ по трактирамъ, пѣлъ пѣсни и плясалъ.

Такъ питается маленькій хитрованецъ. Что касается одежды

обуви, то, если таковая случайно оказывается у мальчика, то онъ ее тотчасъ проигрываетъ или продаетъ, деньги идутъ на кутежъ, и онъ снова оказывается босой, въ одномъ бѣльѣ и въ лохмотьяхъ, въ какой-нибудь женской кофтѣ или оборванномъ пиджакѣ, надѣтомъ на голое тѣло.

Наконецъ, далеко не всегда находитъ маленькій хитрованецъ ночлегъ въ ночлежныхъ домахъ и въ ночныхъ чайныхъ. Когда денегъ нѣтъ, ночуютъ на улицѣ, въ мусорныхъ ямахъ, въ бассейнахъ городскихъ фонтановъ, въ асфальтовыхъ котлахъ, даже въ старыхъ бочкахъ, вступая въ бой съ пріютившимися въ нихъ собаками, на рѣкѣ въ баркахъ съ сѣномъ, на торговыхъ площадяхъ въ палаткахъ, или просто между ящиками и кулями. Потомокъ эмигранта, маленькій маркизъ, въ настоящее время находящійся въ Работномъ Домѣ, постоянно ночевалъ въ мусорныхъ ящикахъ на Театральной площади или у Петровскихъ воротъ. Нѣкоторые нигдѣ не ночуютъ, спятъ у стола въ трактирѣ, на скамьѣ на бульварѣ, пока не растолкаетъ хозяинъ или городовой, и они не отправятся куда-нибудь дальше опять прикурнуть на минуту.

При всей скудости этой уличной жизни, сопряженной съ голодовкой и со всевозможными лишеніями, въ ней есть нѣчто привлекательное, затягивающее. Мальчикъ съ Хитровки, можно сказать увѣренно, рѣдко сразу можетъ ужиться въ другихъ, хотя бы лучшихъ, съ нашей точки зрѣнія, условіяхъ. Его влечетъ эта привольная жизнь, для радостей которой онъ забываетъ долгое стоянье на морозѣ ночью, когда надо ловить возвращающихся изъ театровъ зрителей, и прочія лишенія. Случайный, легкій заработокъ, иногда очень крупный, дешевизна жизни [1]), вино, карты (а мальчики тамъ послѣ удачной выручки ведутъ крупную азартную игру), женщины, которыя среди нихъ въ очень раннемъ возрастѣ дѣлаются необходимыми, которыхъ они содержатъ на свой заработокъ уже, по крайней мѣрѣ, съ 14-лѣтняго возраста и которыя сами ищутъ ихъ покровительства и ихъ любви, другіе худшіе виды разврата и безшабашный разгулъ Хитровки, вѣчно приподнятое настроеніе, постоянное возбужденіе алкоголемъ, музыкой и пьянымъ пѣньемъ—все это влечетъ подростковъ, разъ вкусившихъ этихъ сладостей жизни, заставляетъ забыть всѣ невзгоды. Для многихъ подростковъ, напримѣръ, бывшихъ учениковъ ремесленныхъ заведеній, «не видѣвшихъ ничего, кромѣ непосильной работы и побоевъ», эта жизнь, дѣйствительно, является какимъ-то вѣчнымъ праздникомъ [2]). Между взрос-

[1]) Д-ръ Горбачевъ вычисляетъ «бюджетъ» хитрованца въ 20—30 коп. въ день (см. въ его запискѣ свѣдѣнія о питаньѣ и объ одеждѣ молодыхъ хитрованцевъ).

[2]) См. записку д-ра Горбачева.

лыми хитрованцами и подростками устанавливается тѣсная связь. Взрослые пользуются ихъ способностями въ «стрѣляніи» и въ кражахъ, а взамѣнъ предоставляютъ имъ свое покровительство, участіе въ своихъ удовольствіяхъ, а наиболѣе талантливыхъ изъ молодыхъ товарищей награждаетъ восторженнымъ уваженіемъ, и эту связь очень трудно разбить. Они сживаются со всѣми условіями быта взрослой Хитровки, участвуютъ въ общемъ разгулѣ, въ дракахъ, даже въ убійствахъ (такой случай извѣстенъ въ Рукавишниковскомъ пріютѣ), объединенные съ нею общностью наслажденій, интересовъ и страховъ передъ полиціей.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, этотъ своеобразный міръ малолѣтнихъ бродягъ, гнѣздящійся въ притонахъ и ночлежкахъ, міръ, который мы очень мало знаемъ и къ изслѣдованію котораго мы только приступаемъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ мы приступали бы къ изученію чуждой, низшей расы и чуждой намъ культуры. Этотъ міръ со всею сложностью создавшихся въ немъ отношеній невозможно еще обрисовать въ его цѣломъ, но широкіе размѣры того зла, какимъ онъ является, совершенно очевидны.

Подводя итоги всему сказанному, приходится отмѣтить, что мы стоимъ въ настоящее время передъ необходимостью приступить къ самой энергичной борьбѣ съ указаннымъ явленіемъ. Оглядываясь назадъ, мы убѣждаемся, что планомѣрная борьба съ нищенствомъ вообще и съ нищенствомъ дѣтей въ частности началась въ Москвѣ лишь съ изданія Положенія о Комитетѣ 1838 г. но Положеніе, имѣвшее въ виду отношенія и условія, существовавшія при господствѣ крѣпостного права, утратило, какъ мы видѣли, всякое значеніе послѣ реформы Александра II. Строгая и послѣдовательная, по крайней мѣрѣ въ теоріи, система, которой держался Комитетъ, была исключительно примѣнима при общественномъ строѣ той эпохи, для которой было издано Положеніе, и Комитетъ не былъ въ состояніи приноровиться къ новымъ общественнымъ и юридическимъ условіямъ, образовавшимся послѣ 1861 года, тѣмъ болѣе, что самый характеръ этого учрежденія былъ наполовину бюрократическій и малоспособный къ эволюціи. Никакой новой организаціи, взамѣнъ устарѣвшей, не возникло. Присутствіе по разбору нищихъ лишь по составу отличается отъ Комитета, по существу сохранивъ его дореформенныя черты, обязанности и права. Такимъ образомъ, пробѣлъ, образовавшійся послѣ того, какъ роль Комитета фактически закончилась, остается незаполненнымъ, а общій вопросъ о борьбѣ съ нищенствомъ и бродяжничествомъ малолѣтнихъ остается открытымъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ въ началѣ царствованія Александра II. Между тѣмъ, экономическія условія, переживаемыя Россіей, въ настоящее время угрожаютъ

значительнымъ ростомъ дѣтской безпризорности въ крупныхъ центрахъ.

Съ одной стороны, мы присутствуемъ при стремительно быстромъ ростѣ городовъ, съ другой—при тяжеломъ экономическомъ кризисѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Промышленные успѣхи Москвы привлекаютъ сюда изъ всей центральной Россіи безработную массу. Распадъ деревенской общины, ускоренный искусственными мѣрами, долженъ привести къ еще болѣе усиленному наплыву въ столицу экономически-слабыхъ элементовъ деревни, особенно неспособныхъ къ труду нищихъ, въ томъ числѣ и дѣтей. Между тѣмъ, внутри городовъ и, въ частности, Москвы происходитъ незамѣтно извѣстная экономическая эволюція, тяжело отражающаяся на малолѣтнемъ пролетаріатѣ: за послѣднія десять лѣтъ, почти на глазахъ у наблюдателей, сильно понизился спросъ на трудъ малолѣтнихъ; тутъ сыграло роль и фабричное законодательство, и конкуренція женскаго труда, и, наконецъ, общій упадокъ мелкой промышленности и ремеслъ. Помимо этого, ростъ города не можетъ не отразиться очень сильно на всей жизни городского населенія, вообще, создаетъ въ немъ новыя и сильныя потребности, которыя не находятъ себѣ полнаго удовлетворенія, особенно при быстромъ повышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости; дѣти, какъ существа впечатлительныя, рѣзче выражаютъ указанное явленіе.

Подобные моменты переживались всѣми большими городами въ извѣстный періодъ ихъ существованія. Достаточно вспомнить Лондонъ въ половинѣ XIX вѣка, когда общественное мнѣніе Англіи серьезно было озабочено вопросомъ о безпризорныхъ дѣтяхъ. Налицо были всѣ явленія, вызывающія въ насъ безпокойство: въ трущобахъ Лондона была открыта цѣлая армія будущихъ «враговъ общества», бездомныхъ дѣтей, ютившихся по ночлежкамъ (среди нихъ были и спеціально дѣтскія ночлежки), или не имѣвшихъ вовсе пристанища и ночевавшихъ, гдѣ попало, въ пустыхъ ящикахъ, въ аркахъ подъ мостами, жившихъ попрошайничествомъ и кражами, нерѣдко образовавшихъ организованныя шайки воровъ и попрошаекъ. Начиная съ конца 40-хъ годовъ, общество проявляетъ большое вниманіе къ этому злу; возникаетъ большая и сильная организація, имѣющая цѣлью съ ними бороться—Союзъ школъ для оборванцевъ; подъ вліяніемъ общественной инниціативы проводятся спеціальные законы объ исправительныхъ пріютахъ (1854—1866 гг.) и о ремесленныхъ пріютахъ (1857—1866 гг.), наконецъ, грандіозная школьная реформа 1874 г. Этими законодательными актами Англія лишь начала планомѣрную борьбу съ дѣтской безпризорностью, борьбу, которую она систематически продолжаетъ до сихъ поръ, и классическимъ памятни-

комъ которой является изданный въ 1908 г. «Дѣтскій законъ», образецъ разумнаго законодательства въ этомъ направленіи.

Москва находится въ томъ положеніи, въ какомъ былъ Лондонъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: отсутствіе обязательнаго обученія, слишкомъ короткая, трехлѣтняя земская и четырехлѣтняя городская школа, выпускающая своихъ питомцевъ недостаточно взрослыми, чтобы тотчасъ стать на дѣло, ненормальныя условія ремесленнаго ученичества и слабое развитіе профессіональнаго обученія, недостатокъ въ воспитательныхъ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ бродягъ и нищенствующихъ, наконецъ, отсутствіе какихъ-либо законодательныхъ мѣръ для борьбы съ нищенствомъ дѣтей и съ эксплоатацией ихъ родителями — всѣ эти условія дѣлаютъ задачу общественной благотворительности чрезвычайно трудной. Такимъ образомъ, съ одной стороны мы наблюдаемъ угрожающіе размѣры бѣдствія, съ другой—отсутствіе условій, которыя бы облегчили борьбу съ нимъ.

При такихъ обстоятельствахъ, особенно чувствительна въ Москвѣ необходимость извѣстной общественной организаціи, которая бы взяла на себя руководство въ этомъ дѣлѣ.

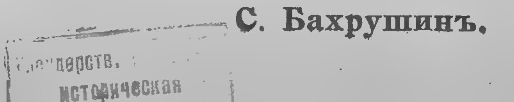
Ни отдѣльныя, немногочисленныя воспитательныя учрежденія, ни обособленныя между собою частныя благотворительныя общества, ни даже городскія попечительства о бѣдныхъ, преслѣдующія свои болѣе широкія цѣли, не въ состояніи успѣшно бороться съ міромъ маленькихъ бродягъ и оборванцевъ. Тутъ, повторяемъ, необходима особая организація, которая бы сосредоточивала въ своихъ рукахъ необходимыя средства для борьбы съ описанными явленіями и вела бы ее въ опредѣленной системѣ, по выработанному заранѣе плану.

Но мало говорить объ объединеніи дѣла призрѣнія бездомныхъ дѣтей въ самой Москвѣ — необходима общая, совмѣстная работа столицы съ губерніей. Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что городской контингентъ малолѣтнихъ бродягъ пополняется въ значительной степени деревней: въ поискахъ заработка деревня ежегодно высылаетъ въ Москву и подростковъ, стремящихся на мѣста и въ ученье, и голодающихъ бездомныхъ сиротъ, и, наконецъ, маленькихъ нищихъ-профессіоналовъ. Можно, поэтому, съ увѣренностью сказать, что пока на мѣстахъ въ уѣздахъ не создадутся самостоятельныя организаціи для призрѣнія дѣтей, всѣ усилія Москвы въ этомъ дѣлѣ будутъ сравнительно безплодны. Участіе мѣстныхъ силъ, земствъ въ дѣятельности столицы, въ виду этого, представляется и справедливымъ, и необходимымъ. Это участіе нужно не только въ дѣлѣ устройства пріютовъ и патронатовъ въ деревнѣ; земство должно итти рука объ руку съ городомъ и въ выработкѣ предупредительныхъ мѣръ, чтобы, по

возможности, устранить самыя главныя условія, способствующія развитію безпризорности. Первымъ изъ такихъ условій, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, является отмѣченный выше недостатокъ въ профессіональномъ обученіи, который способствуетъ сохраненію отжившихъ формъ ученичества. Москвѣ предстоитъ большая задача выработать планъ профессіональнаго обученія, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными нуждами населенія, но и земство должно взять на себя заботу о профессіональной выучкѣ подрастающаго поколѣнія въ деревнѣ. Точно также общими усиліями должны быть приняты мѣры къ урегулированію рынка дѣтскаго труда въ интересахъ какъ городского малолѣтняго населенія, такъ и пришлаго деревенскаго элемента, наводняющаго столицу.

Изученіе вопроса о безпризорныхъ дѣтяхъ въ его прошломъ и настоящемъ приводитъ, такимъ образомъ, къ нѣкоторымъ заключеніямъ практическаго свойства. Въ цѣляхъ успѣшнаго развитія дѣла призрѣнія малолѣтнихъ необходимъ, во-первыхъ, систематическій планъ и необходима единая организація, которая бы приводила его въ исполненіе. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать Городскому Управленію, на которое, послѣ уничтоженія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, возложена закономъ забота о призрѣніи неимущихъ, которое въ состояніи изыскать на то необходимыя средства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является единственнымъ авторитетнымъ общественнымъ учрежденіемъ, могущимъ провести въ жизнь сложную и широкую организацію. Однако, городъ долженъ привлечь къ участію въ общемъ дѣлѣ земство, которое не менѣе его заинтересовано въ разрѣшеніи поставленной задачи. Одновременно съ организаціей дѣла призрѣнія малолѣтнихъ необходимо приступить къ выработкѣ плана профессіональнаго обученія. Въ заключеніе можно выразить пожеланіе, чтобы сложный вопросъ о малолѣтнихъ подвергся законодательной разработкѣ, и чтобы законодательныя учрежденія дали общественному самоуправленію необходимыя матеріальныя средства и юридическія права. Это тѣмъ болѣе необходимо, что затронутый вопросъ не является мѣстнымъ, а представляетъ общегосударственную важность. Между тѣмъ, съ 1838 года онъ не получилъ никакого развитія. Такіе вопросы, какъ объ ограниченіи родительской власти надъ дѣтьми, о принудительномъ воспитаніи безпризорныхъ, о возмѣщеніи расходовъ по призрѣнію неспособныхъ къ труду или о введеніи спеціальнаго налога на покрытіе таковыхъ, наконецъ, объ охранѣ малолѣтнихъ отъ эксплоатаціи и отъ нравственной порчи—всѣ эти вопросы въ значительной степени еще ждутъ своего разрѣшенія.

С. Бахрушинъ.

6.

